

• КОРОЛЕВА ПРЕСТУПНЫХ СТРАСТЕЙ •

МАРИНА КРАМЕР

Не верь, не бойся, отпусти!

По прозвищу «Щука»

Марина Крамер

Не верь, не бойся, отпусти!

«ЭКСМО»

2015

Крамер М.

Не верь, не бойся, отпусти! / М. Крамер — «Эксмо», 2015 — (По прозвищу «Щука»)

ISBN 978-5-699-78460-8

Адвокат Варвара Жигульская с огромным трудом смирилась с тем, что у ее мужа, знаменитого композитора и дирижера Святослава Лемешинского, внезапно обнаружился внебрачный сын Макар. Хотя она и не препятствовала встречам отца и сына, но впускать мальчика в свой мир не собиралась. И вполне возможно, такая странная двойная жизнь продолжалась бы и дальше, если бы не дело о коттеджном поселке «Снежинка», которым занималась Варвара. Чтобы добраться через нее до наследников владельца поселка Потемкина – его вдовы и дочери, – бандиты, желающие заполучить «Снежинку», не погнушались похитить Макара. И это событие в корне изменило жизнь не только Варвары...Продолжение романа Марины Крамер «Я не ангел».

ISBN 978-5-699-78460-8

© Крамер М., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	33
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Марина Крамер

Не верь, не бойся, отпусти!

Цивилизация привела к тому, что уже не важно, кто прав, а кто не прав; важно, чей адвокат лучше.

В. Швебель

© Крамер М., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

Без элемента неизвестности жизнь теряет смысл...
Джон Голсуорси

– Хочу вас предупредить – теперь играть втемную уже не получится. Адвокат в курсе многих вещей, в том числе знает и о вашем участии в деле.

– Ерунда. Обо мне она знает только то, что я интересовался делами «Снежинки» – не более. Не думаю, что у нее хватит связей или мозгов, чтобы понять истинную картину. Так что продолжаем поиски вдовы.

– Да поиски-то я продолжу... В конце концов, ваша племянница, вам виднее. Но мне кажется, что за ней кто-то стоит.

– Кто? Ну, кто может стоять за адвокатом, пусть даже таким, как Варька? Ну, был у нее какой-то ухажер из правительственных пиджаков, точно не скажу, кто именно, но был. Но это – максимум, и не факт, что он будет ей помогать в случае чего – такие обычно зубами за место держатся, скандалов боятся.

– Совершенно точно вам говорю, что у нее есть связи, и это не пустые слова. И связи эти – далеко не эвдэишные.

– Ты что хочешь сказать? Что Варвара в криминал влезла? Это чушь. Она слишком щепетильна во всем, что касается закона.

– Не был бы я в этом так уверен на вашем месте. Куда-то же пропали мои люди? Не растворились же, правда?

– Это не моя забота. Я плачу тебе деньги за конкретную работу, которую ты не можешь качественно и в срок выполнить. И об этом я тоже подумаю и приму решение. А со своими проблемами и своими тупыми подручными разбирайся сам, будь добр. Мне же предоставь вдову – и все.

Глава 1

Сюрпризы субботнего утра

Будите меня, только если придут плохие новости; а если хорошие – ни в коем случае...

Наполеон I Бонапарт

Ненавижу телефоны. Вот честно: с одной стороны, это, конечно, полезное изобретение, но с другой – чаще всего именно телефон приносит неприятные новости. Даже в субботу, даже в такое прекрасное солнечное – на удивление – апрельское утро в Москве.

Я лежала в постели и наслаждалась первым робким птичьим пением за окном, теплым лучом солнца, пробившим штору на окне, запахом свежего кофе, доносившимся из кухни, – и тут... Тут зазвонил этот поганный мобильник, и голос подруги Аннушки ворвался в мой такой уютный и тихий утренний мир:

– Варька! Варька, кошмар!

– Не ори, – попросила я, морщась, как будто Аннушка могла это увидеть. – Что случилось?

– Бабушка... бабушка моя в больнице!

О, господи... Аннушкиной бабушке исполнилось восемьдесят семь, однако она была еще довольно бодрая, не нуждалась в уходе и каждую субботу ходила в театр без сопровождающих.

– Что с ней?

– Ты не поверишь – под машину попала! – Аннушка была близка к истерике, это явно слышалось в ее голосе.

– Так, сначала успокойся. Слезами ты никому не поможешь. Давай по порядку.

– Она с утра на рынок пошла – ну, вот скажи, какой, к черту, рынок в восемь утра?! Нет – творога свежего ей захотелось! Ну, на переходе ее машина и смела – идиот какой-то летел на красный, – всхлипнула подруга, – скрылся моментально, она, разумеется, ничего не помнит – ни марки машины, ни даже цвета. Удивительно, как ухитрилась отделаться переломом голени и сотрясением мозга, просто не понимаю!

– Она где?

– В Склифе. – В голосе подруги слышались чуть пренебрежительные нотки – успешный юрист из крупнейшей газовой компании не могла себе представить, что каким-то образом ее бабушка окажется в больнице с простыми смертными. – Хочу сегодня поехать, попробовать в более приличное место перевести, папе позвонила уже, он какие-то связи мидовские поднимает. Поможешь?

Не скажу, что просьба, больше походившая на утверждение, здорово меня взбодрила, но Аннушка – моя единственная подруга, и я не могла ее бросить.

– Конечно, – со вздохом согласилась я, – только мне нужно собраться – я еще в постели.

– Ой, прости, – спохватилась она, – я совсем забегалась, даже не сообразила, что утро еще. Тетки в истерике, от них никакого толку, все на мне...

– Да ладно... Заедешь к нам? Светик, кажется, блины печет, – приняхавшись, предложила я, и Аннушка радостно согласилась:

– Заеду. Ну, вот почему одним все – и муж с утренними блинами в том числе, а другим, как мне, – только попавшая под машину бабушка?

Я положила трубку – эту же речь Аннушка повторит после того, как позавтракает вместе с нами. Всю мою супружескую жизнь, а это не такой уж маленький срок, подруга боготворила моего мужа и отчаянно завидовала, хотя попыток привлечь к себе его внимание никогда не совершала. И дело было даже не в том, что Аннушка не могла разрушить нашей дружбы – как раз через это она легко перешагнула бы, – а в том, что Светик не замечал других женщин. Ну, во всяком случае, раньше я так и думала... Пока не узнала, что на стороне у моего супруга растет семилетний сын, которого родила его концертный директор. Это был настоящий шок, после которого я ушла из дома и почти месяц не находила в себе сил увидеться с мужем и хотя бы просто поговорить. И до сих пор я не смирилась с этим фактом, хотя и вернулась домой. Мальчик, оставшийся после неожиданной гибели матери один, теперь жил с бабушкой, а Светик в выходные навещал его. И я была очень благодарна мужу за то, что он не пытался привести сына в нашу жизнь. Я уже никогда не смогу иметь детей – последствия бурного любовного романа в юности – и давно смирилась с этим, так что ничего менять не собиралась. К счастью, Светик настолько любил меня, что не стал идти против. Я знаю, что даже моя родная мать считает меня чудовищем – так и сказала в телефонном разговоре, мол, ты не женщина, а монстр какой-то. Можно подумать, что сама – образец примерной матери! А я не могу заставить себя смотреть на чужого мальчика и знать, что муж обманывал меня. Я и так смирилась с его существованием, даже настояла на том, чтобы Светик общался с ним и делал это открыто. Но требовать от меня любви к этому ребенку – просто жестоко.

– Варенька, кто-то звонил?

Светик появился на пороге спальни, вытирая руки фартуком вместо полотенца – ну, к этому пора бы уже привыкнуть, хотя я до сих пор впадаю в бешенство, когда вижу подобное.

– Да, Аннушка. Сейчас заедет. Представляешь, Алевтина Петровна под машину попала, – сообщила я, вставая.

– Ох ты...

– Да, сходила за творожком. Мы сейчас поедем в Склиф, Аннушка хочет ее оттуда забирать, отца попросила поднять связи.

Светик присел на край кровати, наблюдая за тем, как я ищу в гардеробной, что бы надеть.

– Мне кажется, зря она это затеяла. В Склифе нормальные врачи, зачем будоражить пожилую женщину?

– Это не мое дело. Хочет перевести – пусть. Меня позвали для моральной поддержки, и я ее окажу. Больше ничего не требуется, советов тоже не просили.

Светик кивнул, по-прежнему не отводя от меня взгляда.

– Что? – Мне почему-то стало не по себе.

– Варя, ты сейчас говоришь правду?

Я застыла, задержав руку на вешалке с трикотажной майкой, и с удивлением переспросила:

– Ты серьезно?

– Вполне. Ты точно собираешься куда-то с Аннушкой?

– Светик, она сейчас приедет завтракать и нахваливать твои блины, спроси у нее, – разозлившись, ответила я и сдернула майку с вешалки. – И вообще – с чего вдруг?

– Не начинай. Если бы не было повода, я бы не задавал таких унижительных для меня вопросов.

Светик поднялся и вышел из комнаты, оставив меня в полном недоумении.

Вот уже четыре месяца, как о моей последней связи ни слуху ни духу. Кирилл Мельников, мой первый мужчина, мой вернувшийся спустя много лет любовник, снова исчез. Он пропал – а Светик начал что-то подозревать. И сделал это, как обычно, только когда все давно закончилось. Я никогда не была верной женой, но Светик начинал чутать неладное только в тот момент, когда связь обрывалась. Как сейчас.

Пока я плескалась в душе, явилась Аннушка. Я застала ее сидящей в кухне за столом, перед ней на тарелке дымились блины, рядом были аккуратно расставлены блюда с вареньем, сметаной и сгущенным молоком, а Светик то и дело подкидывал горячий блинчик со сковороды.

– О, наконец-то! Я думала, что ты утонула, – облизывая палец, сообщила подруга. – Блины потрясающие.

– Не сомневаюсь, – буркнула я, усаживаясь напротив.

– А ты чего это не в настроении? – поинтересовалась она, аккуратно обмакивая блинчик в варенье. – Вроде по телефону нормальная была.

– Я и сейчас нормальная.

Светик, явно чувствовавший вину за беспочвенные подозрения, выложил мне в тарелку три блина, подвинул ближе сметану – сладких я не ела:

– Пока не остыли... – И в голосе столько вины, надо же...

– Светик, ты гений, – доедая, сообщила Аннушка. – Вот правильно говорят – талантливый человек во всем талантлив. Даже в блинах.

– Ой, да брось, – отмахнулся муж, садясь за стол рядом со мной, – великий талант нужен, чтобы блины испечь!

– Ну, что-то Варька не особенно разбежалась.

– Она создана для другого, – спокойно ответил Светик, – она – прекрасный адвокат, успешно себя реализует там, где ей интересно, и я считаю, что этого вполне достаточно.

Ого... что-то новое. Никогда прежде мой супруг не ставил мои профессиональные достижения так высоко, чтоб аж на первое место. Определенно, ревность творит со Светиком что-то невообразимое.

Расправившись с блинами, я встала и хотела убрать со стола, но муж перехватил мою руку, потянувшуюся к Аннушкиной тарелке:

– Не беспокойся, Варенька, я сам все уберу, вам же ехать нужно, – и поцеловал запястье.

Аннушка многозначительно хмыкнула, но тут же поймала мой предостерегающий взгляд и умолкла, хотя явно настроилась сказать что-то ядовитое. Я же прижалась на мгновение щекой к макушке мужа, потом потрепала его волосы:

– Спасибо за блинчики, дорогой, это было вкусно. Ты сегодня поедешь? – я не произнесла слова «к сыну», но мы оба отлично понимали, какую поездку и куда я имею в виду.

– Да, я обещал приехать, но постараюсь не задерживаться, хочу на ужин рыбу запечь, нужно еще на рынок зайти.

Вот это мне, если честно, было непонятно. Человек едет к сыну, которого, оказывается, так страстно хотел, а сам задним умом думает: рыбу купить, на рынок не опоздать. Как так можно... Нет бы – думать, как с ребенком время провести, куда сходить, о чем поговорить...

Аннушка старательно делала вид, что не слушает нашего диалога, копалась в телефоне, но я видела, что ее просто распирает от любопытства. Она так до сих пор и не смогла понять меня, не смогла осознать, почему я так спокойно приняла известие о внебрачном ребенке, почему не запретила Светику общаться с ним. Я не собиралась объяснять, потому, наверное, что и сама еще не до конца осознала. Мне некогда было слишком вникать в это...

– Ну что, едем? – спросила я, глядя на подругу, и та, сунув телефон в карман джинсов, встала:

– Эх, жалко покидать вашу гостеприимную кухню, но надо что-то решать с бабулей. Спасибо за завтрак, Светик.

– Заезжай почаще, – улыбнулся он.

– О, нет! Если почаще – я гардеробчик вынуждена буду сменить, – засмеялась Аннушка, выбираясь из-за стола.

Она непринужденно чмокнула Светика в щеку, как, собственно, делала всегда, с первого дня моего замужества – это был вполне себе сестринский поцелуй, и даже Светик считал, что это в порядке вещей.

Мы вышли на улицу, и я сразу нацепила очки – оказывается, пока мы завтракали, успело появиться довольно яркое солнце, и все вокруг сразу как-то оживилось и засветилось по-новому.

– Весна, между прочим, – отметила Аннушка, открывая машину. – Скорее бы уж, так слякоть эта надоела!

– И не говори...

Я немного задержалась, уцепившись пальцами за дверь, и вдруг почувствовала неприятный холодок, пробежавший по спине. Это ощущение заставило меня оглянуться, и тут же мне на глаза попала старая, сильно битая «шестерка», которой – я могла поклясться – никогда прежде в нашем закрытом дворе я не видела. Ну, не ездят жилыцы нашего комплекса на таких машинах, даже в шутку этого не делают. И почему-то с первой же секунды я уверовала в то, что эта машина принесет чудовищные неприятности.

Сев в Аннушкин «Рэйдж-Ровер», я захлопнула дверь и пристегнулась ремнем. Вяземская, краем глаза наблюдавшая за моими манипуляциями, удивленно спросила:

– Ты чего? Впервые вижу, чтобы ты ремень накидывала. Боишься, что ли?

В ее вопросе был определенный смысл – я побаивалась ездить с ней, потому что моя подруга, предпочитавшая джипы, совершенно при этом не чувствовала их габаритов, и на дороге частенько возникали казусы. Меня всегда удивляло, как это до сих пор Аннушка не попадала в серьезные аварии – разве что фары била регулярно. Но сегодня желание застегнуть ремень безопасности, увы, никак не было связано с водительскими навыками подруги. Меня не отпускало противное чувство, что по дороге с нами может что-то случиться, а потому я только процедила:

– На твоём месте я бы тоже не пренебрегала этой вещью. – И Аннушка, к моему удивлению, послушалась.

Время для поездки мы выбрали, конечно, не самое удачное. Хоть и суббота, а в первой половине дня всегда пробки. Но парадом командовала не я, поэтому молча сидела на пассажирском сиденье, испытывая острое желание закурить. После новогодних праздников я решила снова избавиться от пагубной привычки, но то и дело срывалась. Как говорится, бросить курить легко, сама сто раз бросала. Но иногда обстоятельства вынуждали хвататься за сигарету, чтобы не разбить что-нибудь, например. Последний арбитраж сильно вымотал меня, Светик даже настаивал на том, чтобы я взяла небольшой отпуск и уехала куда-нибудь. Но я не могла бросить дела, которых в конторе внезапно накопилось довольно много, и мои сотрудники вынуждены были подолгу пропадать в офисе, готовя документы для очередного суда. Конечно, в таких условиях я не считала возможным позволить себе отдых. Да и моя клиентка Анастасия Потемкина, вдова владельца жилого комплекса «Снежинка», по-прежнему находилась в бегах, пользуясь гостеприимством и защитой криминального авторитета Туза. Мы довольно часто созванивались с ней, и Анастасия тревожилась о состоянии здоровья своего пасынка Юрия. Старший сын Игоря Потемкина Александр умер при весьма туманных обстоятельствах в закрытой клинике для алкоголиков как раз в новогодние праздники, и Туз помог нам организовать похороны. Теперь наследников немалого состояния Потемкина осталось трое – вдова Анастасия, младший сын Юрий и десятилетняя дочь от второго брака Алена. И только от меня

зависело, доберутся ли охотники за наследством до вдовы и ее дочери. Во всем этом деле меня смущали две вещи. Первая – возникший вдруг на пути мой собственный дядя, скоропостижно уехавший на Кипр. И вторая – незримое присутствие некоего человека по кличке Анвальт, адвоката Игоря Потемкина, которого никто никогда не видел. Этот человек-невидимка смущал меня сильнее, чем сбежавший дядюшка. То, что дядя Витя бескорыстно любит деньги и не упускает момента приумножить, так сказать, коллекцию, новостью не являлось, как, собственно, и его интерес к акциям «Снежинки». Но то, что операция по захвату велась с явно криминальным мотивом, настораживало. И еще этот Анвальт... У меня было ощущение, что он знает обо мне все, способен предугадать некоторые мои действия, а я в ответ ничего не могу противопоставить, потому что просто не знаю, кто он.

Резкий удар отбросил меня вперед, но ремень тут же вернул тело в исходное положение, а в лицо раскрылась вонючая резиновая подушка безопасности, едва не прикончившая меня. Я закашлялась, зашарила рукой в поисках защелки ремня. Рядом материлась Аннушка, тоже пытавшаяся избавиться от спасших нас от удара головами пут.

– Это... что еще за... хрень? – выдавила я, когда мне удалось отстегнуться.

– В нас кто-то въехал, – мрачно констатировала подруга, открывая дверь.

Я тоже выбралась на улицу и обнаружила, что впереди стоит слегка развернутая синяя «Шкода», на правом переднем крыле которой красуются вмятина и длинные царапины. Бампер Аннушкиного джипа погнут, левая фара разбита – стеклом засыпано все возле левого переднего колеса. На первый взгляд все выглядит как обычная авария. Но что-то мне подсказало, что сейчас мы станем жертвами авторазвода. Однако гости с юга, медленно выбиравшиеся из «Шкоды», понятия не имели, с кем связались, потому что в красном джипе сидели не просто «телки», а два весьма неплохих юриста.

– Ты что, коза слепая, не видишь, куда едешь? – заголосил водитель, приближаясь к Аннушке, искавшей в телефоне какой-то номер.

– Так, спокойно, – я встала между подругой и горячим парнем, – не нервничаем. Сейчас сотрудников ДПС вызовем и будем разбираться, кто чего не видел.

– Что тут видеть? Что видеть? Вы нас подрезали! – напирал он.

– Я не была бы так категорична, – спокойно проговорила я. – Сейчас видеорегистратор снимем и все посмотрим.

– Какой регистратор? – чуть остыл водитель, а я мысленно возблагодарила Анну, которая после моих слов мгновенно заблокировала двери машины. Не думаю, что эти ребята рискнут колотить стекла джипа на глазах у проезжающих, чтобы достать злосчастную вещицу, так некстати поломавшую им всю схему.

– Обыкновенный регистратор. – Вот не думала, что такой старый развод все еще действует, – я краем глаза заметила, как из остановившейся неподалеку машины к нам приближаются трое крепких парней, бритых наголо, и почему-то мне стало спокойно – вряд ли они идут на помощь этим двум мужикам. Судя по битам в руках, вовсе нет... – А сейчас на вашем месте я бы села в тачку и быстро смоталась отсюда, пока чего не вышло.

Водитель, бросив взгляд мне за спину, тоже оценил ситуацию как невыигрышную, выматерился и быстро побежал к «Шкоде», на ходу пригласив приятеля присоединяться. Мимо нас пронеслись трое с битами, но расстояние было чуть длиннее, чем они могли преодолеть за короткое время, потому несчастной «Шкоде» досталась только брошенная в заднее стекло бита. Аннушка, открыв рот, наблюдала за происходящим и, кажется, вообще перестала понимать, что творится. Бритые парни подошли к нам и, поздоровавшись, предложили помощь, от которой мы, поблагодарив, отказались – джип был на ходу, до Склифа мы как-нибудь доберемся, а потом уж Аннушка решит, что делать.

Сев в машину, мы закурили, чтобы немного успокоиться.

– Ну, ты даешь, Варька, – выдохнула Вяземская, выпуская облако дыма, – я чуть лужу не сделала, когда водитель на меня полетел, а ты как скала...

– Ань, ну, это же просто – на регистраторе видно будет, что они нас подрезали, рассчитывая на то, что две бабы испугаются и отвалят денег столько, сколько попросят. Но схема-то лоховская, я сто раз про такое слышала. Они просто не увидели, что у нас регистратор стоит, иначе не связались бы, скорее всего.

– Я испугалась, аж дар речи потеряла... а что за мужики были? Ну, те, с битами?

– А я знаю? Может, скинхеды какие – ты рожи-то их видела? Но все равно спасибо мужикам, помогли.

– Да уж... – Аннушка выбросила сигарету и посмотрела на трясущиеся руки: – Варь, может, ты за руль, а? Не могу, нервы совсем...

Я только вздохнула. Водить джип я не любила, как, собственно, и принадлежавший мужу «Мерседес», предпочитала маленький юркий «Смарт», но сейчас выбора не было.

– Пересаживайся.

Мы поменялись местами и снова направились к больнице. Я очень рассчитывала, что сегодня больше ничего не произойдет, хотя особой уверенности в этом не было. Что-то подсказывало, что и авария эта – далеко не случайность, хотя тут я могла и ошибиться. Красный дорогой джип и блондинка за рулем вполне могли привлечь внимание охотников за легкими деньгами, и за этим вряд ли стояло что-то еще. Но события последних четырех месяцев моей жизни заставляли каждую мелочь рассматривать со всех сторон буквально под микроскопом. Мне не особенно хотелось погибнуть, не дожив даже до сорока, особенно теперь, когда у меня имелась весомая цель.

Я очень хотела построить для Светика театр – его собственный, не принадлежащий никому, кроме него. Он, дирижер с мировым именем и неплохой композитор, должен был жить так, как того заслуживает, и заниматься только тем, что ему интересно, а не решать проблемы с арендой и прочие мелочи. И я обязана обеспечить ему такую жизнь, обязана хоть как-то отплатить ему за его отношение ко мне, за то, что сумел стать мне настоящим другом и поддержкой.

– Варька, ну паркуйся ты уже! – донесся до меня голос Аннушки, и я поняла, что, задумавшись о своем, на каком-то автопилоте доехала до Склифа и теперь беспечно кружу по парковке. – Кошмар, как зомби! – пожаловалась подруга, когда я наконец припарковала машину на свободное место. – Я с тобой разговариваю, а ты молчишь и вообще не реагируешь.

– Ань, ты извини, меня эта авария прямо из колеи выбила, – соврала я, чтобы не объяснять истинную причину своего «зомбеобразного» состояния.

Однако Аннушка, похоже, не особенно в это поверила, если учесть то, как я вела себя на месте аварии. Но это ее проблемы, мне они неинтересны.

– Со мной пойдешь? – спросила она, выбираясь из машины, и я кивнула:

– Пойду.

– Отлично, – обрадовалась подруга, – поддержка мне не помешает. Ой, погоди, телефон... – Она начала копаться в сумке, где разрывался телефон.

Звонил ее отец, успевший уже договориться в мидовской больнице о том, что Алевтину Петровну примут на лечение туда. Нам теперь оставалось только организовать перевозку в Щелково, потому что этим Аннушкин папаша заниматься не захотел. Но это мы и без него организуем, дело нетрудное.

– Варь, ты мне только помоги, ладно? – попросила Аннушка, когда мы, получив пропуск на посещение, шли в травматологию. – Я же ее знаю, она сейчас упираться начнет, скажет – не поеду. А тебя послушает, всегда тебя считала сверхчеловеком.

– Сильно сомневаюсь, что ей в такой уж кайф лежать тут, а не в отдельной палате со всеми удобствами. Но если что – конечно, попробую поговорить.

Алевтина Петровна была дамой, избалованной удобствами, и я справедливо полагала, что местный колорит, никогда прежде ей неведомый, уже успел сильно повлиять на ее состояние. Так что вряд ли моя помощь Аннушке пригодится. Но я ошиблась.

Едва мы вошли, как лежащая на кровати у окна Алевтина Петровна категорически заявила:

– Если ты, Анна, собираешься говорить о переводе в Щелково, то даже рта не открывай. Я никуда не поеду, здесь прекрасный врач, и я ему доверяю.

– Ба-а-бушка, – плачущим голосом протянула Аннушка, усаживаясь с безгливой миной на придвинутую ногой табуретку, – ну что ты как ребенок? Посмотри, какие здесь условия!

– Зато врач здесь отменный, – отрезала та, поправляя седую прядь волос, выбившуюся из высокой прически на аккуратную заклею через весь лоб. – И потом – как ты повезешь меня с этой бандурой? – ее левая конечность лежала на приспособлении для скелетного вытяжения, внизу болтался прикрепленный груз, а сама нога, пронзенная в четырех местах металлическими спицами, выглядела просто устрашающе. – И голова у меня болит, между прочим.

Аннушка начала что-то горячо доказывать, но в этот момент дверь в палату открылась, и на пороге появился такой широкоплечий красавец в голубой хирургической робе и накрахмаленном белом халате, что даже у меня слегка сбилось дыхание. Переведя взгляд на Аннушку, я четко поняла, что никто ни в какое Щелково уже не поедет...

– Добрый день, – поздоровался вошедший, – я так понимаю, вы к Алевтине Петровне?

– Да-а, – с придыханием сказала Аннушка, хлопая тщательно накрашенными ресницами, – я ее внучка.

– А я – ее лечащий врач, зовут меня Сергей Андреевич. Готов ответить на любые вопросы.

Глядя на Аннушку, можно было подумать, что та вот-вот лишится чувств, но я-то хорошо знала свою подругу. Именно сейчас она была собрана, как никогда, и в ее белокурой головке уже созрел план по заманиванию очередного потенциального «кота» в ловушку. Наблюдать за этим мне совершенно не хотелось, видела подобное не раз, а потому я, буркнув извинения, вышла из палаты, справедливо решив подождать подругу в коридоре.

Усевшись на подоконник, так как не обнаружила более подходящего места, я приготовилась к долгому ожиданию. Аннушка не упустит случая пофлиртовать с красавцем доктором, пусть даже это будет происходить на глазах ее не совсем здоровой бабушки. Но, надо признать, молодой врач заслуживал внимания, чего уж...

Меня же почему-то занимали происшествия сегодняшнего дня – сперва странная машина во дворе, потом авария и появление незнакомых мужиков с битами. Ну, не бывает в жизни таких совпадений! Столько машин ехало мимо, и никому не пришло в голову остановиться, а эти... Да, это могли быть скинхеды, как я и объяснила Аннушке, но все-таки это маловероятно. Оставался еще один вариант, конечно... Вариант звался Анатолием Ивановичем Веревкиным, более известным как Туз. Тот самый Туз, что помог мне спрятать вдову Потемкина. Он отлично знал моего дядю и, кажется, не сомневался в том, что тот запросто может ради выгоды пренебречь родственными связями, а потому еще в новогодние праздники обещал, что за мной «присмотрят», как он тогда выразился. И скорее всего, сегодняшние бритоголовые граждане и были тем самым «присмотром», почему нет. Но тогда выходило, что они сопровождали нас от моего дома, а я ничего не заметила, и это плохо. Так можно прозевать не только охрану, но и чего похуже. Обычно чутье меня не подводило, а сегодня, видимо, я расслабилась. Так не пойдет.

Я пропустила момент, когда доктор покинул палату, зато увидела, как оттуда кошачьей походкой выплыла моя подруга, раздумывая, как после мороза. Небрежно обмахиваясь листком бумаги, на котором, как я догадалась, был записан телефон врача, Аннушка приблизилась и томным голосом, словно все еще не вышла из роли роковой соблазнительницы, сказала:

– Все в порядке.

– Что ты имеешь в виду? Алевтину Петровну или медицинского мачо?

Аннушка обиженно поджала губы:

– Ну, Ва-арь! Ну, что я, даже пофлиртовать не могу? Я девушка свободная.

– Да кто ж спорит? И что он сказал?

Аннушка еще раз помахала листочком, аккуратно сложила его и убрала в сумочку:

– Завтра у меня свидание.

– Тьфу ты... Я про Алевтину Петровну спросила!

– А-а... ну, с ней все не так плохо, как могло быть. Сотрясение мозга, конечно, и перелом сложный... но прогноз вроде ничего, разве что с палочкой придется потом ходить.

– Ну, она не балерина. Главное, чтобы срослось хорошо. Но, чувствую, ты будешь держать процесс лечения под контролем, – не удержалась я, чтобы не съязвить, однако окрыленная предвкушением свидания Аннушка пропустила это мимо ушей.

– Может, поедем, посидим где-нибудь? – предложила она, когда мы вышли из здания и направились к стоянке.

– Как?! – Я приостановилась и сделала вид, что шокирована. – У тебя завтра свидание – и ты не собираешься провести остаток сегодняшнего дня в подготовке?! А как же ванна, маникюр, педикюр и разные прочие приятности? Как ты можешь тратить свое драгоценное время на посиделки со мной?

– Варька, прекрати, – попросила Аннушка, – ну, кто виноват, что у тебя дома не муж, а сказка, а у меня только кот Батон?

– Нашла чему завидовать.

У меня почему-то вдруг испортилось настроение при словах о том, что дома меня ждет муж. Никто меня там не ждал, наверняка Светик укатил к сыну и явится только поздно вечером. Но не объяснять же это Аннушке...

– Ладно, как хочешь, – обижено заявила она, поняв, что я никуда с ней не поеду. – Тогда подброшу тебя до Пятницкой, а там прогуляешься. Поеду в сервис, машину отдам – не ездить же с битой мордой.

– Разумно, – согласилась я, садясь в машину.

Глава 2

Загадки хрустальной снежинки

– Погляди в стекло, Герда, – сказал он. Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле. – Видишь, как хитро сделано! – сказал Кай...

Ганс Христиан Андерсен

Кмоему великому изумлению, Светик оказался дома, а из кухни доносились запахи тушеного мяса с овощами. Странно... Мне показалось, что он собирался ехать к сыну – сегодня была суббота, тот день, который Светик проводил с Макаром. И где обещанная рыба, кстати?

– Варенька, ты одна? – спросил муж, выходя из кабинета.

– Ну, а с кем мне быть-то? – не совсем ласково отозвалась я, стягивая сапоги.

– Я подумал, что Аннушка с тобой вернется, вот, мясо по-бургундски запек. Не захотелось из дома выходить.

– С мясом мы и без нее справимся. В аварию мы попали, Светик, Аньке джип слегка покорежили – фара и бампер, ну, она в сервис поехала.

Светик покачал головой:

– Надо же... Ну, хоть с вами все в порядке, и то хорошо.

– Да, тачка – черт с ней, за пару дней сделают. Мне никто не звонил?

– Звонил твой Кукушкин, не может какие-то бумаги найти.

Димочка Кукушкин, молодой амбициозный адвокат, был моей правой рукой в конторе, и именно ему я поручала те дела, возиться с которыми сама не очень хотела. У Димочки имелось ценное качество – он всегда знал, когда нужно промолчать, а в наше время это редкость. Мы отлично ладили, и к осени Кукушкин должен был стать партнером.

– Я тогда пойду, переговорю с ним.

– Но мясо готово, будет нехорошо, если перестоит, – возразил муж, и я решила для разнообразия согласиться с ним:

– Ну, тогда сперва поедим, Димка никуда не денется. А ты... не поехал? – Мне всегда с трудом давались эти вопросы о его сыне, слова застревали в горле, как комки старого кефира.

– Макар сегодня с классом на экскурсию уехал, так что не было смысла... просидел бы там весь день без толку. А мне нужно поработать.

После сытного и необыкновенно вкусного ужина я решила вопросы с помощником и улеглась на диван в кабинете, куда доносились звуки рояля из гостиной – Светик дописывал что-то новое. Я же, прикрыв глаза, снова вернулась к мыслям о «Снежинке» и всему, что творилось вокруг.

Загородный поселок для иностранцев, работающих в России, набирал популярность. Я была там только один раз, но даже того короткого визита хватило, чтобы понять – дома там стоят бешеных денег, равно как и земельные участки. Сам поселок имел хорошую инфраструктуру, удобный подъезд, даже собственное озеро и небольшую лодочную пристань, не говоря уже о таких мелочах, как школа, салон красоты и довольно большой медицинский центр. Плюс – подмосковная природа. Разумеется, после смерти владельца контрольного пакета акций сразу

нашлись желающие завладеть сказочным богатством, и в их числе, как случайно выяснилось, и мой дядя Витя. Открытие это меня не порадовало – перспектива схлестнуться с родственником была отнюдь не радужной. И еще этот Анвальт...

Вот кто по-настоящему будоражил мое сознание и не давал спокойно спать. Я чувствовала, что именно от этого человека исходит основная угроза Анастасии с девочкой, а заодно и мне – потому что только я знаю, где они. Перед смертью старший сын Потемкина Алик успел продать кому-то свою долю акций, однако никаких денег на его счету брат покойного Юрий так и не нашел. Алик же теперь ничего никому не расскажет – от него остался только пепел, который мы с Тузом похоронили в могиле Потемкина-старшего. И – никаких следов, только визит неуловимого адвоката в санаторий, где лечился от алкоголизма Алик. И никак невозможно даже приблизительно прикинуть, где искать этого Анвальта.

Стоп. А почему мне никогда не приходила в голову мысль о том, что неуловимый невидимка Анвальт – мой родной дядюшка? Почему я не рассматривала эту версию, а сразу отвела ему исключительно роль покупателя акций – и все? Что мешало ему совмещать, к примеру? Он – отличный юрист «старой школы», со связями, с возможностями, с репутацией. Ведь никто не мог толком сказать мне, какого возраста адвокат, работавший на Игоря Потемкина, – а по голосу и дядя мой вполне мог сойти за относительно молодого. И он знал – знал! – Потемкина и сам мне об этом сказал, когда я приезжала советоваться, стоит ли братья за предложение Анастасии. Почему я не подумала об этом хотя бы чуть раньше, пока дядя Витя еще не уехал неизвестно куда? То, что он на Кипре, всего лишь мои догадки, и даже бабушка ничего не знает. Я специально просила Светика поговорить с ней на эту тему аккуратно, и он выполнил просьбу, однако яснее не стало – она знала ровно то же, что и все.

Может, мне на самом деле стоит пожить в этой самой «Снежинке», покрутиться там – вдруг что? Я могу сказать какой-нибудь родственницей Анастасии, например, и воспользоваться ее домом. Но как уговорить Светика? Вряд ли он согласится каждый день преодолевать довольно приличное расстояние на машине, да еще проделывать это дважды. А одна я там жить просто побоюсь – огромный пустой дом, где умер человек и в который, возможно, вхож этот Анвальт. Что будет, если мы столкнемся там? Да и вообще – большие пространства наводили на меня ужас, а дом у Потемкиных был громадным, как дворец. Но попробовать поговорить с мужем все-таки стоило – кто знает, вдруг он согласится, ведь в прошлый наш с ним визит в поселок Светику там понравилось.

Я встала с дивана, потянулась и пошла в гостиную, решив не откладывать разговор с мужем, пока у самой не убавилось решимости. Ничего, машина у нас есть, а у меня еще и водитель, так что переживем поездки. Зато я смогу изнутри посмотреть, как что работает в этом поселке и не происходит ли там чего интересного для меня.

Светик сидел за роялем, сосредоточенно сверял что-то на нотных листах, черкал ручкой и добавлял какие-то знаки. Когда я вошла, он оторвался от занятия и встал, взял меня за руку и потянул за собой к роялю. Я подчинилась. Муж уселся на крутящуюся табуретку, посадил меня на колени и замер, зарывшись лицом в волосы.

– Что, не идет? – спросила я, прекрасно зная его привычку вот так искать у меня поддержки в том случае, когда, по его же выражению, «затыкало».

– Да, что-то не так, – пробормотал он, – не могу понять что, но чувствую, что должно быть немного иначе. Гармонии нет.

– Так отвлекись немного, попозже вернешься и сразу увидишь, где не так, – посоветовала я, поглаживая его по затылку.

– Да, пожалуй... Может, чайку попьем?

– Ну, пойдем, попьем, – согласилась я, слезая с его колен, – заодно поговорим, я тут кое-что придумала, хочу узнать, как ты отнесешься.

Мы устроились в кухне за столом, Светик налил чай в тонкие фарфоровые чашки – он любил такие, без рисунка, почти прозрачные.

– О чем ты хотела поговорить? – спросил он, делая глоток.

– Помнишь, мы с тобой в праздники ездили в загородный поселок? Ты еще сказал, что там воздух хороший и места красивые...

– Помню. И что?

– А тот дом, в котором мы были, помнишь?

– Варя, не темни. Помню я и дом, и поселок, но к чему ты этот разговор завела? – Светик отставил чашку и внимательно посмотрел мне в глаза.

– А к тому, что хозяйка этого дома предложила мне там пожить какое-то время. Она моя клиентка, если помнишь.

– И с чего такая щедрость? А сама она где?

– Она в отъезде, надолго. Вот, решила отблагодарить за услуги – мол, там условия для жизни лучше, чем в городе, да и тихо. Ты сможешь работать – видел же, там и рояль имеется...

Светик по-прежнему изучал мое лицо, и мне все труднее было держаться непринужденно и делать вид, что в предложении клиентки нет ничего особенного. Но внутри крепла уверенность в том, что я приняла правильное решение – мне нужно пожить в «Снежинке», потому что, возможно, именно там я найду ответы на свои вопросы.

– Так что? Как думаешь? – спросила я, разрывая повисшую тишину.

– Я так понимаю, что от моего мнения мало что зависит, – сказал Светик, снова принимаясь за чай, – ты ведь уже решила, правда? Просто хочешь соблюсти приличия.

– Зачем ты так? – немного обиделась я. – Если я советуюсь с тобой, значит, мне важно твое мнение.

Светик только махнул рукой:

– Не смейся меня, Варенька. Если ты хочешь, мы поедем и поживем там. Но ты подумала о том, что это повлечет за собой массу дополнительных сложностей?

– Если ты о том, что нужно будет добираться в город и обратно, то это не проблема. Мой водитель всегда к твоим услугам.

– Ты забыла, что у меня гастроли через две недели. Как ты останешься одна в этом дворце?

О, черт... Действительно, о предстоящих гастролях в Болгарии я совершенно забыла.

– Ну... я могу позвать Аннушку... – не совсем уверенно произнесла я.

– А она согласится?

Если ее завтрашнее свидание сложится удачно, то вероятность отказа – процентов сто примерно. Никогда Аннушка не поменяет очередного кавалера на возможность пожить со мной в шикарном особняке за городом, это-то я знаю как никто. И эта затея превратится в проблему, потому что жить одна в пустом доме я действительно побоюсь.

– Светик, давай решать проблемы по мере их поступления. Дальше будет видно, – уклонилась я от ответа. – Ты скажи – согласен?

– Согласен, согласен, – со вздохом отозвался муж, – может, у меня там работа веселее пойдет. Так бывает – стоит сменить обстановку, и все налаживается.

– Конечно! – с энтузиазмом подхватила я, понимая, что нашла правильную струну, на которой стоит сыграть. – Тебя ничто не будет отвлекать, и потом – лес, природа...

– Варя, что-то в твоих словах меня настораживает, – с улыбкой отозвался Светик, – только пока не могу понять, что именно.

– Ну, вечно ты! Я же хочу, чтобы тебе хорошо было, – немного обиделась я.

– Ну, конечно, – все с той же улыбкой ответил он, – только почему именно теперь? И почему «Снежинка»?

– Светик, твоя подозрительность переходит все границы. «Снежинка» – потому, что у меня просто есть возможность там пожить. Я же сказала: клиентка предлагает свой дом, мы там были, нам понравилось – почему не воспользоваться? Ну, подумаешь, придется немного дальше ездить, но мы же не безлошадные, к тому же у меня водитель, что ему зря зарплату платить? Пусть отработывает.

– Варенька, как скажешь, «Снежинка» так «Снежинка», – покладисто согласился Светик.

И я с облегчением выдохнула – первая часть плана была выполнена, осталось только переговорить с Потемкиной, но тут, я была уверена, никаких проблем не возникнет. В конце концов, это в Настиных же интересах – вдруг я на самом деле обнаружу в поселке то, что нас обоих интересует.

Глава 3

Капризы идеального супруга

И у законного мужа бывают незаконные дети...
Б. Крутиер

...Аннушка рыдала в трубку. Я сначала испугалась, решив, что с ее бабушкой что-то пошло не так, однако, когда подруга немного успокоилась и речь ее стала более внятной, выяснилось, что вожделенный доктор не явился на свидание. Продинамил, выражаясь современным языком.

– Я, как идиотка, сидела в этом ресторане, на меня разве что пальцами не показывали! – захлебывалась Аннушка.

– Ой, перестань драматизировать! Кому надо в тебя пальцами тыкать? – поморщилась я. – Можно подумать, что женщина не имеет права одна в ресторане посидеть. Чай, не восемнадцатый век-то.

– Ты не понимаешь! Не понимаешь! Ведь он сам позвонил мне утром, сам предложил этот ресторан! Я полдня в салоне проторчала, вышла оттуда, как фея лесная!

– Что – зеленая и в веточках? – не удержалась я, и совершенно напрасно – в состоянии крайнего расстройств моя подруга отказывалась понимать любой юмор и заорала:

– Жигульская! Ты идиотка, да?! Совсем сочувствия нет?

– Ну, прости, прости, я неудачно пошутила. И что – он даже не перезвонил, не сказал, что задержится или что не придет совсем? Может, его на операцию вызвали – ну, такое ведь тоже бывает у хирургов?

– Ты еще и оправдания ему ищешь? Совсем хорошо! Мужик заставил меня сидеть одну в ресторане, не позвонил даже, а лучшая подруга не на моей стороне, а на его, еще и оправдания выискивает!

Тут я поняла, что самое умное поведение в этой ситуации – молчать и сочувственно вставлять в Аннушкину речь что-то вроде «да-да», «как он мог» и «вот же подлец какой». Признаться, делать это мне не очень хотелось, но прервать разговор я тоже не могла – как-никак Аннушка моя единственная подруга. Я понимала, что ей не особенно нужно сочувствие, скорее, просто хотелось произнести гневный монолог, который поможет выплеснуть обиду, а я должна выступить слушателем – ну, не в зеркало же об этом говорить, правда?

Доктор был не первым мужчиной, который поступил с ней подобным образом. Я никогда не могла понять этого феномена: почему вдруг кукольно милая, белокурая Аннушка с идеально стерильным мозгом не может удержать мужчину. Ведь это то, чего они в идеале хотят, – чтобы красotka и чтобы лишними проблемами не грузила. Еще в университете все парни как один признавали, что Вяземская подходит на роль жены как никто другой, однако на серьезные отношения с ней ни один из них так и не решился. У нее всегда было много поклонников, но как только Аннушка начинала строить далекоидущие планы, очередной ухажер растворялся в пространстве, а я вынуждена была выслушивать ее печальные монологи и утирать слезы, потоком лившиеся из голубых глаз.

– Ну, так плюнь и забудь, – посоветовала я, когда Аннушка на секунду умолкла. – Мало ли на свете мужиков? И твой тоже найдется.

– Когда мне стукнет сорок? Так это уже не за горами!

– В Европе это вообще не возраст.

– Жигульская, мы не в Европе! Я не хочу выглядеть не мамой, а бабушкой первоклассника!

Для Аннушки это был весомый аргумент – ее родня постоянно заводила разговоры о детях, в том числе и со мной, и это, конечно, было невыносимо. Однажды на каком-то дне рождения я перестала соблюдать приличия и посоветовала Аннушкиной матери заняться жизнью собственной дочери и перестать лезть в мою. Та, разумеется, обиделась, но больше эту тему в разговорах со мной не затрагивала.

– Ань, ну, успеешь ты еще с наследниками навозиться...

– Тебе этого, боюсь, не понять! У тебя другие ценности в жизни! Ты всегда была на другом помешана – карьера, деньги, статус! И все, что могло этому помешать, ты отвергала. Так и будешь куковать на мешках с деньгами до самой смерти!

– Ты еще про стакан воды вспомни, – огрызнулась я.

– И вспомню! Вспомню! Дети – это важно, понимаешь? Без этого ты не женщина, а так – придаток к твоему Светику!

– Я не обижусь только потому, что отлично знаю – завтра ты вспомнишь этот разговор в подробностях, и тебе будет стыдно. Но имей в виду – мое терпение на исходе, – предупредила я, шаря рукой по тумбочке в поисках сигарет. – Главное, не вздумай извиняться.

– И в мыслях не было! – запальчиво выкрикнула она и бросила трубку.

Я с облегчением отключила телефон, хотя на душе сделалось довольно мерзко. Дело не в том, что Аннушка затронула эту тему, а в том, что в последнее время она стала делать это довольно регулярно, словно проверяла, как долго я буду это терпеть. Признаться, я уже давно не чувствовала в себе сил для этого. Ну, почему я должна оправдываться за свое нежелание иметь детей даже перед лучшей подругой, знающей меня едва ли не с пеленок? Да, меня никогда не увлекала мысль стать матерью, но что – я одна такая? Нет, нас – тысячи. Даже в Интернете полно сайтов и форумов, где общаются так называемые чайлд-фри, люди, решительно не желающие иметь детей. Я же не навязываю свою точку зрения никому, не говорю, что это для всех правильно. Для меня – да, а остальные имеют право выбора, которое лично я уважаю и не подвергаю сомнению. Ну, так и отвечайте мне взаимностью, не старайтесь переубедить – и все будут счастливы.

Я так разозлилась, что даже расхотела курить, так и бросила незажженную сигарету обратно на тумбочку.

– Светик! – крикнула я, потягиваясь на кровати. – Ты занят?

– Нет, – отозвался он из гостиной, – я смотрю концерт Берлинского оркестра, не хочешь присоединиться?

– Не особенно. Может, мы прогуляемся перед сном?

– Можно. – Он вошел в спальню и присел на край кровати. – Ты расстроена чем-то?

– С чего ты взял? – я перекаtilась к нему и положила голову на колени.

– Лицо у тебя хмурое. Кто звонил?

– Аннушка.

– Поссорились?

– Как можно поссориться с человеком, у которого интеллект как у бабочки? Ей же от жизни ничего в принципе не нужно. Очередной хахаль продинамил, вот единственная причина для проявления эмоций.

– Но ты явно раздражена, даже голос злой, – заметил Светик.

– Ну, хоть ты-то не домогайся, а? – попросила я, спуская ноги на коврик и нашаривая тапочки. – Идем лучше на улицу, там вроде вечер хороший, тихий. Прогуляемся немного, вдруг потом усну нормально.

Я взглянула на мужа, и мне вдруг показалось, что Светик не особенно расположен к прогулкам и делает над собой усилие, чтобы угодить мне. Но, возможно, я была слишком раздражена разговором с Аннушкой и потому подозревала даже мужа во всех грехах. И вообще – с чего я взяла, что Светик делает что-то через силу? Он мог отказаться от прогулки, не выдумывая причин, – собственный комфорт мой муж ценил превыше всего и ни за что не сделал бы ничего, если бы сам не хотел.

На улице оказалось довольно тепло, хоть недавно прошел дождь – лужи все еще стояли на асфальте. Мы вышли на набережную и пошли в сторону Кремля. Светик казался мрачным и погруженным в свои мысли, шел молча, изредка вздыхая. Взяв его под руку, я спросила:

– У тебя все в порядке?

Светик снова вздохнул, но ничего не ответил. Больше всего я ненавидела эту его привычку отмалчиваться и уходить таким образом от нежелательных расспросов. В такие моменты мне хотелось взять его за грудки и как следует встряхнуть, и теперь я еле сдержалась, чтобы не сделать этого.

– Тебе неприятно, что я спросила?

– Варенька, мне не хочется говорить об этом, прости.

Я остановилась, выдернула руку из-под его руки и сказала:

– Мне надоели твои недомолвки. Если что-то происходит, ты должен мне сказать. Если помнишь, однажды ты уже домолчался до того, что я ушла из дома. Хочешь повторить? Понравилось?

Муж остановился и удивленно посмотрел на меня:

– Варя, что с тобой? В чем дело?

– В чем дело? А сам как думаешь?

– Я ничего от тебя не скрываю, если ты об этом. И мне неприятно, что ты снова заговорила о том, что произошло перед Новым годом. Если я молчу, то это не значит, что я все забыл.

– Да? То есть ты помнишь, что твое молчание и тайны заставили меня...

– Варя, остановись, – предостерегающе сказал он, и я вдруг поняла, что не стоит сейчас напоминать ему о том, как я почти месяц прожила с любовником в отеле, когда узнала о существовании у мужа ребенка на стороне.

– Я-то останавлиюсь. Но ты подумай, прежде чем снова заводить какие-то секреты, – буркнула я, оттолкнулась от перил, на которые опиралась, и пошла вперед.

Он догнал меня и крепко взял за плечо, развернул к себе:

– Варя, у меня нет секретов. Просто есть темы, которые, я уверен, тебе будут неприятны, потому и не хочу их касаться.

– Что-то с Макаром?

– Да. Но не думаю, что тебе стоит...

– Светик, хватит. Если я сама спросила, значит, хочу знать.

Он снова тяжело вздохнул, вынул пачку сигарет и предложил мне, но я отрицательно помотала головой. Он закурил, сунул пачку в карман и произнес:

– Я говорил сегодня с его бабушкой. Она настаивает, чтобы я забрал мальчика к себе.

Это прозвучало как гром. Куда – к себе? В нашу с ним квартиру? В ту самую квартиру, которую я покупала на свои деньги? В ту квартиру, где мы прожили столько довольно спокойных и вполне беззаботных лет? Я никак не предполагала, что мать его случайной любовницы начнет требовать подобного. Да, я смирилась с наличием Макара в жизни мужа, но остальное-то тут при чем? Почему я должна жить бок о бок с ребенком, который мне чужой? Иметь

рядом постоянное напоминание об измене мужа? Нет, увольте меня. Я не хочу этого – и имею право не хотеть, по-человечески это, мне кажется, понятно.

– И что ты ей ответил? – с замирающим сердцем спросила я.

– А что я должен был ответить? Что ты никогда на это не согласишься?

– А хотя бы и так.

– Варя, это мой сын...

– А я здесь при чем? При чем здесь я, скажи?! – заорала я, чувствуя, как к глазам подступают слезы. – Ты меня спрашивал, когда спал с Ирккой? Спрашивал, когда разрешил ей оставить ребенка?

– Варя, Варя... – Светик попытался взять меня за руку, но я вырвалась.

– Ты про закон взаимодействия своего устава и чужого монастыря слышал? Имеешь представление? Ну, так постарайся донести свои знания до матери Ирины, будь так добр! Если говорить коротко – я никогда не соглашусь на это, вот и все!

– По-твоему, я должен отказаться от Макара? – тихо спросил Светик, снова беря меня за руку.

– Разве я это сказала? Услышь меня – я не прошу тебя отказаться от ребенка, я прошу сделать так, чтобы я с ним не сталкивалась, вот и все! Прошу сделать так, чтобы мне не пришлось жить с ним под одной крышей, потому что считаю, что имею на это право! Имею право не видеть постоянно результат твоей измены, неужели ты не можешь этого понять?

– Измены... – Светик словно пробовал это слово на вкус и удивлялся, что этот термин относится к нему. – Варя, а как же я? Ведь я отлично знаю, что ты тоже неверна мне, что у тебя были – да и сейчас наверняка есть – любовники...

– Хорошо, пусть так! Но ты всегда об этом знал, я не особенно скрывала. Но заметь – никогда я не сделала так, чтобы ты почувствовал себя униженным, правда? Я не рожая детей от своих мужчин!

– И считаешь, что это делает тебя невиновной, да?

– Представь себе, именно так я и считаю. Я не унижаю тебя напоминаниями, не демонстрирую вот так свои связи! Пусть это имеет мало отношения к добродетели, согласна, но ты-то пытаешься навязать мне своего внебрачного сына!

Светик выпустил мою руку и пошел вперед, даже не оглядываясь, чтобы проверить, последую ли я за ним. Он удалялся быстрыми шагами, и в его походке было столько решительности, что на секунду мне стало страшно – а что, если он сейчас вот так совсем уйдет? Просто уйдет, уедет жить туда, где его сын, оставит меня? Но потом мне вдруг стало совершенно все равно, что он будет делать дальше. Я почувствовала, что устала, ужасно устала от этой неопределенности, от постоянной тревоги, от мыслей об этом мальчике. Я просто не могу больше так жить, мне это мешает. Может, пора позволить Светику сделать выбор? Даже если этот выбор будет не в мою пользу? В конце концов, я выживу, мне уже не восемнадцать, когда любой разрыв кажется катастрофой и концом жизни. Я самостоятельная, состоявшаяся в профессии и в жизни женщина, почему я должна цепляться за мужа, у которого появился другой интерес? Может, так будет честнее – отпустить его, дать возможность жить так, как он хочет? Ведь Светик много лет потратил на меня, поддерживал, понимал, прощал – так, может, он заслужил право на свои желания?

Замерзли руки, как всегда бывало, когда я начинала нервничать, и стало трудно дышать. Вот только приступа мне сейчас и не хватает – здесь, посреди набережной, когда вокруг никого. Я сильно ущипнула себя за мочку уха, так сильно, что от боли потемнело в глазах, но дышать стало легче. Я огляделась, увидела небольшое кафе через дорогу и направилась туда.

Сев за столик, заказала коньяк и кофе, вынула сигареты и огляделась по сторонам. Почти пустой зал, в углу компания молодежи, сидят с открытыми ноутбуками, пьют чай, переговариваются вполголоса. За столиком слева от меня – влюбленная парочка, наверное, первое сви-

дание – букетик роз в вазе, бутылка вина, пирожные, девушка с красивой стрижкой, в нарядном платье, молодой человек в бежевом пуловере, на щеках румянец – волнуется, видимо, то и дело поправляет волосы. Мне принесли коньяк и чашку кофе, я сделала глоток, чувствуя, как внутри все начинает отогреваться. В кармане завибрировал мобильный, я решила, что это Светик, и не стала отвечать. Мне сейчас нечего ему сказать, а продолжать ссору совершенно не хочется. Телефон звонил все настойчивее, на меня начали оборачиваться, и пришлось снять трубку. К моему удивлению, это оказался Кирилл. Мой пропавший в новогодние праздники любовник. Как всегда, вовремя... Он как будто почувствовал, что я одна, что мне плохо...

– Привет, Варюша, – и в голосе ни намека на раскаяние, как будто мы расстались только вчера, – чем занимаешься, не отрываю?

– Что тебе нужно? – не совсем приветливо поинтересовалась я, потому что мне чем-то неприятен был его звонок, но чем, я не успела еще понять.

– А что так грубо? Злишься?

– Ты действительно не понимаешь? Или прикидываешься?

– Варя, если ты о том, что я исчез, так прости – у меня была длительная командировка, ездил по делам, был за границей.

– Мельников, мне совершенно все равно, где ты был. Зачем ты звонишь?

– А ты не рада меня слышать?

– А должна?

– Ты определенно чем-то раздражена. Что случилось? Я могу помочь?

– Супермен нашелся! Решил спасти мир? Так успокойся – у меня все в порядке.

– Не сказал бы... Но как знаешь, пытать не буду. Хотел тебя увидеть, но чувствую, это без взаимности.

Я вдруг подумала, что совершенно не хочу возвращаться домой, тем более что Светик наверняка уехал к сыну, а оставаться на ночь в пустой квартире сейчас для меня не лучший вариант.

– Если ты так хочешь меня увидеть, я сию... погоди минутку, – я подозвала официанта и спросила адрес кафе, затем повторила его Кириллу.

Он обрадовался:

– Я на Тверской, сейчас подъеду, не уходи только.

– Куда я денусь. – Но он уже отключился.

Глава 4

Проигранное дело адвоката

Женщины, как дети, любят говорить нет. Мужчины, как дети, принимают это всерьез...

Я. Ипхорская

У меня не было мысли отомстить Светику, проведя ночь с Мельниковым, просто не хотелось оставаться в одиночестве, а с ним я хотя бы смогу поболтать на отвлеченные темы, забыть неприятный разговор с мужем. Но где-то внутри опять всколыхнулось недоверие. Кирилл был за границей... как-то много совпадений. Дядюшка мой тоже уехал за пределы России, и почему-то у меня было подозрение, что Кирилл все-таки как-то связан с ним, не знаю, откуда я это взяла. Но слишком много мелких совпадений, на которые в свое время обращал мое внимание и Туз. Я не хотела верить в то, что Мельников может быть каким-то образом причастен к попыткам захвата «Снежинки», тем более что дядя, когда я попросила его найти мне досье Кирилла, сказал, что он всего-навсего мелкий адвокат в какой-то конторе. Но в свете нынешних событий дядя был последним человеком, кому стоило верить. Я несколько раз пыталась поймать Мельникова на мелочах, но всякий раз у него находились весомые аргументы, о которые мгновенно разбивались все мои подозрения. Может, я просто стала излишне подозрительной? Но ситуация, в которой я оказалась, согласившись заниматься делами Анастасии Потемкиной, заставляла меня не верить до конца никому, даже близким.

Мельников ворвался в кафе как вихрь, с букетом белых лилий – успел купить где-то по дороге, и это было очень приятно, я даже улыбнулась непроизвольно, когда он, подойдя к столу, положил букет мне на колени.

– Варька, ты еще похорошела за это время, – проговорил он, целуя меня в щеку. – Духи сменила, что ли?

– Сменила, – с улыбкой подтвердила я, опуская лицо в самую гущу цветов. – Нравятся?

– Да. Тебе подходит запах.

Духи были «летние», легкие, но я пользовалась ими не в сезон, потому что они соответствовали настроению. Кирилл сел напротив, махнул официанту и заказал еще коньяк и кофе.

– Ну, рассказывай, как ты. – Он закурил и откинулся на спинку кресла, внимательно изучая мое лицо.

– Я нормально. – Подошедший официант поставил на стол вазу для цветов, аккуратно взял у меня букет и поставил в воду, щелкнул зажигалкой и зажег все свечи на небольшом канделябре.

– Что-то мне так не кажется, – проводив официанта взглядом, отозвался Кирилл. – Случилось что?

– Кира, прекрати. У меня совершенно нет настроения пререкаться с тобой.

Мельников прищурился – о, как хорошо я помнила это выражение лица, именно с таким Кирилл начинал говорить гадости, неизменно сохраняя при этом легкую полуулыбку. Но сегодня я ошиблась. Он дотянулся до моей руки, сжал ее и проговорил шепотом:

– Надеюсь, что у тебя есть настроение для другого.

– Для чего? – В принципе, задавать подобный вопрос не было никакого смысла, потому что ответ очевиден, но меня вдруг стали пугать паузы в разговоре, и я изо всех сил старалась залепить бреши вот такими глупостями.

– Я думал, ты проницательнее, госпожа адвокат.

– Мы не на процессе.

– Кстати, странно – мы ни разу не пересекались с тобой по рабочим вопросам за все годы, ты не находишь?

Я пожала плечами и осторожно вытащила пальцы из сжатой ладони Мельникова.

– Может, это и к лучшему, а?

Кирилл рассмеялся, откинув назад голову:

– А ведь и правда! Судя по тому, что о тебе рассказывают, я избежал публичного позора проигранных дел.

– Проигранных *мне*, – уточнила я, испытывая странное желание уязвить его.

– А тебе, безусловно, хотелось бы этого, а? – Кирилл чуть ослабил галстук и крепко прижал в синей стеклянной пепельнице окурочек. – Я не могу представить кого-то, кроме тебя, кто мог бы столько лет культивировать в себе ненависть и жажду мести.

Это было как удар – я не ожидала, что он решится заговорить на подобную тему, более того – мне казалось, что этот вопрос мы прояснили еще тогда, до Нового года, лежа в гостиничной постели. Я никогда не хотела мстить ему – все чувства умерли во мне давно, в больнице, при первом осмысленном взгляде на сгорбившегося рядом с кроватью на стуле Светика в белой накидке. Именно тогда я поняла, что только Светик не бросит меня, не оставит, поддержит. Он – а не Кирилл, любовь к которому и загнала меня в больничную палату. Правда, и со Светиком я, как оказалось, ошиблась, но это другое. А Кирилл... нет, я никогда не думала о мести, я вычеркнула его из жизни, не появился он в прошлом году – так и не вспомнила бы. Но он пришел, и оказалось, что я не так уж бесчувственна, не так безразлична. И память моя тут же услужливо сунула мне же в нос все, что когда-то связывало меня с ним.

– Ты слишком высокого мнения о себе, Кира, если считаешь, что я до сих пор вынашиваю какие-то планы мести, – спокойно сказала я, собрав все свое самообладание в кулак, чтобы не расплакаться. – Поверь, в моей жизни было много всяких эпизодов, и ты – всего лишь один из них.

Мельников вдруг поднялся, обошел стол и, остановившись у меня за спиной, положил руки на плечи. Я вздрогнула – что-то недоброе почудилось мне в этом жесте, что-то неуловимо опасное и одновременно... зовущее. Я непроизвольно прижалась щекой к лежавшей на плече руке, и Кирилл, наклонившись, прошептал мне на ухо:

– Пусть так... пусть эпизод... но сейчас ты встанешь из-за стола и пойдешь со мной туда, куда я скажу. Потому что сама этого хочешь. – Сказав это, он резко выпрямил спину и направился к барной стойке оплачивать счет, нимало не сомневаясь, что все будет так, как он сказал.

Самое ужасное заключалось в том, что он не ошибся. Как бы ни старалась я сохранить лицо и холодную отстраненность во взгляде, но его голос, его руки, вообще его присутствие лишали меня способности соображать и сопротивляться. Никому из моих мужчин никогда не удавалось влиять на меня не то что подобным образом, а вообще хоть как-то. Я всегда уходила первой, меня никогда не бросали – я успевала сделать это сама, и потому самолюбие не страдало. Я вела себя с мужчинами только так, как хотела сама, не подчиняясь их «хочу» и всевозможным претензиям. И только Мельников...

Мы вышли из кафе, и на крыльце он крепко обнял меня, прижимая к себе каким-то совсем уж хозяйским жестом:

– Видишь, как все просто? Главное – себе не врать, Варвара.

Не скажу, что у меня были возражения на этот счет.

– И куда же мы? – поинтересовалась я, садясь в его припаркованную неподалеку машину.
– Ко мне, – просто ответил Мельников. – Ремонт закончен, в квартире полный порядок, есть даже хорошее кипрское домашнее вино. – При упоминании Кипра меня передернуло – ну вот что это опять? Совпадение? Или нет?

– И кто же доставляет тебе подобное? – как можно легкомысленнее поинтересовалась я.
– Сам привез, – выезжая из парковочного «кармана», ответил он, и мне стало совсем нехорошо.

– Что ты делал на Кипре?

– А что там можно делать, скажи? Отдыхал.

– Долго?

– Нет, всего семь дней, дольше не вышло.

– Один? – я даже сама не поняла, как у меня вырвался этот вопрос, но было поздно.

Мельников с удивлением повернулся ко мне:

– Ба, да ты ревнуешь, что ли, Жигульская?

– Больно надо. Просто поинтересовалась.

– Учитывая, что просто так ты ничего не спрашиваешь, признаюсь сразу – компания была сугубо мужская, коллеги по работе, – усмехнулся Кирилл. – Это было нечто вроде выездного совещания.

– А говоришь – отдыхал.

– Ну, не все же время мы совещались, правда? Отдохнуть тоже успели.

«Забавная, однако, у тебя контора, – подумала я. – Вряд ли маленькая фирмочка может позволить себе такие вояжи для сотрудников». Опять чудится мне вранье, а я никак не могу ухватить конец нити, и это раздражает.

– Подвох ищешь? – неожиданно спросил Мельников, и я вздрогнула – неужели ухитрилась вслух что-то шепнуть? Со мной подобное иногда случается, если я задумалась.

– Какой подвох? Я тебе не жена, чтобы кругом подозревать, – я пожала плечами и постаралась не отворачиваться в окно, хотя очень хотелось.

– Почему ты такая? Даже соврать ленишься, – как-то грустно констатировал Кирилл. – Ну, сказала бы – да, ищу, потому что ревную. Может, мне было бы приятно.

– А мне, может быть, не было бы. Так зачем напрягаться?

– Сколько тебя знаю, Варька, ты всегда лишних движений боялась. Все рассчитывала так, чтобы не суетиться. Может, потому и рванула так высоко, а? Пока мы тут в мелочах копались, ты четко по продуманному плану шла.

– Я никак не пойму – тебе моя карьера покоя не дает, что ли? Ты и спишь со мной так, словно наказываешь за это, – усмехнулась я.

– Может, это я себя наказываю, когда сплю с тобой, не думала? – парировал Мельников с улыбкой. – Ты представляешь, каково это – знать, что твоя женщина успешнее тебя?

Я снова пожала плечами:

– Ну, так спи с секретаршей – у нее карьера уж всяко менее успешна, чем твоя. Зачем над собой издеваться? Или у тебя извечный мужской комплекс таким образом реализуется – хоть в постели, но ты главнее? Прямо бесовреберный идиотизм какой-то...

– Что? – захохотал Мельников. – Бесовреберный? Это как?

– Это когда бес в ребро, Кирочка. Захотелось тебе острых ощущений в немолодые уже годы.

– Ну, с этой точки зрения ты – несомненное острое ощущение, даже без вариантов. Но вот с идиотизмом перегнула.

– Обиделся?

– На другую обиделся бы. А ты всегда такая была. За то и люблю столько лет.

Ну, вот зачем он опять начинает эту тему? Какая любовь, что он говорит? Любовь...

– Ты не знаешь, как это, – сказала я, отвернувшись-таки в окно.

– А ты?

– И я не знаю, к сожалению. Почему мы остановились?

– Приехали.

Я никогда не понимала Тверскую, уж не знаю почему, но она всегда казалась мне неудобной и какой-то бестолковой. Я слишком давно живу в Замоскворечье, и вот там мне все родное, другие же районы города не вызывают никаких положительных эмоций. Светик называл это «урбанистическим снобизмом».

– Ты чего оглядываешься? – спросил Мельников, запирая машину. – Слежку ищешь?

– Что за глупости? Кому надо следить за мной?

– Что – совсем нет конкурентов? Никому дорогу не перебежала? – Этот вопрос был задан в шутилой манере и с легкой улыбкой, но мне не понравился – я, разумеется, оглядывалась невольно как раз по причине мерещившейся в последнее время слежки.

– Прекрати. – Поморщившись, я пошла к подъезду, испытывая желание как можно скорее оказаться за стеной, в помещении – там, где меня никто не увидит.

Едва за нами хлопнулась входная дверь квартиры, как Кирилл словно сбросил маску, сильно мешавшую ему дышать. Он швырнул на пол кейс, рывком снял плащ и потянул меня к себе. В его глазах я увидела что-то странное, чужое и на секунду испугалась, но потом поняла – это элемент игры, он просто так заводит себя, ему нравится быть сильнее, главнее, и расслабилась.

Избавив от всей одежды здесь же, в коридоре, Кирилл легко подхватил меня на руки и понес в спальню. Холод покрывала неприятно обжег кожу, я вздрогнула и съежилась, но Мельников, начавший раздеваться, тут же повернулся:

– Ляг, как лежала.

Пришлось снова вытянуться, хотя все тело покрылось противными мурашками, и закрыть глаза. Я не стеснялась себя – для своих лет выглядела спортивно и подтянуто, спасибо хорошей генетике и нечастым походам в тренажерный зал. Я знала, что Кирилл, раздеваясь, смотрит на меня, изучает каждый сантиметр, каждый изгиб – он всегда так делал, еще с юности. Не знаю, почему ему так нравился вид моего распростертого тела – как символ победы, что ли? Наконец он лег рядом и неожиданно нежно поцеловал меня в губы, я даже вздрогнула и открыла глаза:

– Ты что?

– Молчи, – пробормотал он, наваливаясь сверху и беря лицо в ладони, – молчи, я не хочу слышать твой голос. – И я вспомнила, что он уже произносил эту фразу однажды – там, в гостинице.

Сегодня все было как-то иначе, не так, как я привыкла, и Мельников выглядел виноватым каким-то, осторожным и на удивление нежным, что было ему совершенно несвойственно. «Только бы не задал опять этого идиотского вопроса про «было ли хорошо», иначе я просто взвою», – подумала я, уплывая куда-то под напором захватившего меня чувства. И он не спросил, как будто услышал. Да и к чему бы ему спрашивать? Я сильно сомневаюсь, что хоть какая-то из его женщин могла ответить на этот вопрос отрицательно.

– Ты останешься? – вдруг спросил Кирилл, ложась рядом со мной и набрасывая на нас покрывало.

– Ты этого хочешь?

– Да.

– Значит, я останусь.

– А муж? – не удержался он от едкого напоминания о моем не совсем свободном положении.

– Тебе что за заботы? Если ты хочешь, чтобы я осталась, то при чем тут мой муж?

– Не боишься неприятностей?

– Нет.

Я на самом деле не боялась того, что Светик завтра начнет устраивать мне сцены, – во-первых, он сам затеял ссору и ушел, бросив меня одну на набережной, а во-вторых, я была уверена, что ночевать дома он тоже не станет, уедет к сыну. Так что винить некого.

Кирилл не стал больше ничего спрашивать, поднялся и вышел из комнаты. Я лежала в темноте и улыбалась – почему-то вдруг все страхи и подозрения рассеялись, и мне было просто хорошо от присутствия в этой квартире, от шагов Кирилла где-то в ее глубине, даже от звука разбившегося стекла и раздавшегося вслед за этим негромкого чертыхания.

– Тебе помочь? – громко спросила я, не открывая глаз.

– Нет, не нужно. Бокал уронил, сейчас уберу и вернусь.

Он пришел минут через пять, неся в руках два наполненных красным вином бокала и тарелку с виноградом и сыром, водрузил все это на кровать рядом со мной и уселся, набросив покрывало на ноги.

– Давай выпьем, Варька.

Я взяла бокал, принялась – вино источало тонкий терпкий аромат, от которого немного закружилась голова.

– За что же мы выпьем, Кира?

– Оставайся со мной, – вдруг сказал Мельников, глядя мне в глаза. – Оставайся насовсем, ведь ты же сама этого хочешь.

Моя рука дрогнула, вино выплеснулось на покрывало, и дальше последовало ровно то же, что и всегда в тех случаях, когда я видела перед собой расплывающееся по ткани красное пятно. Меня затрясло, однако в этот раз я не впала в ступор, не заплакала, а наоборот, впала в какую-то неуправляемую агрессию. Отшвырнув бокал, я, тыча пальцем в пятно, заорала:

– Вот!!! Вот, смотри сюда! Ты думаешь, это вино?! Нет! Нет! Это – кровь, понимаешь? Кровь! И тогда все было точно так же! Только вместо покрывала были халат и ванна – полная воды и моей крови! Я умирала – а где был ты? Скажи мне, где ты был?!

Мельников в отличие от Светика в истерику не впал, а развернулся и врезал мне такую оглушительную пощечину, что меня как взрывной волной откинуло к спинке кровати, и я мгновенно умолкла.

– Все? – спросил он глухо и мгновенно оказался рядом со мной, обнял, прижал к груди и забормотал куда-то в макушку: – Успокойся, родная моя, успокойся. Все хорошо. Я с тобой, я всегда буду с тобой. Верь мне, Варенька.

Я всхлипывала у него на груди, но с каждым всхлипом мне становилось все легче. Как будто груз с души упал.

– Я испортила твое покрывало, – сквозь рыдания проговорила я, и Мельников усмехнулся:

– Это, несомненно, большая потеря. А я испортил тебе жизнь – и как быть?

И в этот момент я вдруг поняла, что никогда не считала так. Да, я не считала, что Мельников испортил мне жизнь, наоборот – именно благодаря ему я стала той, кем стала. Именно Кирилл дал мне стимул учиться и работать, рассчитывая только на себя и свою голову, именно благодаря ему я много лет была довольно счастлива в браке – что бы там ни было. Так что никаких претензий у меня к нему, по сути, нет и не может быть.

Я обняла его за шею и прошептала на ухо:

– Не надо так говорить, Кира. Кто знает, что было бы с нами, останься мы тогда вместе. Возможно, сейчас мы ненавидели бы друг друга и обговаривали развод.

– Развод? – чуть удивленно спросил он, немного отстраняя меня и вглядываясь в лицо. – Ты думаешь, я отпустил бы тебя?

– Не надо, Кира, – снова повторила я, – не надо – отпустил же.

Он безвольно уронил голову мне на грудь и тяжело задышал. От его дыхания я снова начала покрываться мурашками, но не замечала этого, гладила его плечи, волосы и снова хотела плакать.

- Что мне сделать, чтобы ты простила меня?
- Перестать говорить об этом.
- Тебе неприятно?
- Меня это бесит.
- Я понял. – Он сильнее сжал меня в объятиях и затаил.

Не знаю, почему, но эта наша поза, темнота квартиры, разрываемая лишь узким лучом фонарного света из-за штор, абсолютная тишина, не нарушаемая ничем, – все это казалось мне совершенно естественным. Как будто мы каждую ночь проводили вот так, в объятиях друг друга.

Кирилл вскоре уснул, так и не выпуская меня из рук, только распластался на постели, и я оказалась сверху, не имея возможности выбраться. Сна не было, и я терпеливо, чтобы не потревожить спящего Мельникова, ждала, когда его хватка ослабнет и у меня появится возможность встать. Очень хотелось закурить и попить воды, но Кирилл спал, и будить его я не хотела.

Так прошло довольно много времени, и наконец он, глухо пробормотав что-то, выпустил меня и повернулся на бок. Я полежала еще немного и выбралась из постели. Ничего, кроме брошенной на пол рубашки Кирилла, не было – мои вещи остались в коридоре, и я надела ее, закатав рукава до локтей. Есть что-то пошлое в этих мужских рубашках на голое тело, не понимаю, кто придумал, что это выглядит красиво и маняще...

Я вышла в коридор, собрала с пола свою одежду, и тут мой взгляд зацепился за брошенный здесь же кейс Кирилла. Я опустилась рядом с ним на корточки, изо всех сил борясь с искушением попытаться открыть. Ну, что может лежать в кейсе адвоката? Можно подумать, я этого не знаю. И все же, все же... Воспитание и любопытство боролись во мне на равных. Никогда прежде я не позволяла себе заглядывать, например, в почту или телефон Светика – просто не представляла, как смогу сделать это. Но ситуация с Кириллом была несколько иной. Я ему не верила – и потому посчитала, что имею право хотя бы опровергнуть подозрения. Достаточно всего пары листков, названия фирмы, где он работает, каких-то контактов. Я же не буду вникать в тонкости, только посмотрю название – и все. Уговорив себя, я аккуратно открыла замки – удивительно, что Мельников не запирает кейс, я лично всегда делала это, охраняя тайну своей профессиональной жизни. В коридоре было темно, но включать свет опрометчиво – вдруг Мельников проснется... Я коснулась пальцами пластиковой папки, лежавшей сверху, и уже почти вынула ее, как вдруг надо мной раздался голос:

– А где санкция на обыск, госпожа адвокат? – и я от неожиданности отшатнулась, выронив папку обратно – надо мной возвышался Кирилл, скрестив на груди руки.

Я готова была провалиться от стыда – хорошо, что здесь темно, не так видно виноватое выражение лица. Мельников молча наклонился, поднял кейс и защелкнул замки.

– Ну что – поговорим? – произнес он, водрузив его на верхнюю полку шкафа.

– О чем? Если об этом, то я могу объяснить...

– Не надо объяснять ничего, Варя. – Кирилл помог мне подняться и подтолкнул в сторону спальни. – Ты что же думаешь – если бы я что-то хотел скрыть, то оставил бы незапертый кейс вот так, на полу в коридоре, чтобы ты спокойно обыскала его, пока я сплю? Ты совсем меня за дурака держишь, да?

Что тут скажешь? Так глупо попасться – это надо уметь.

– Ты не допускаешь, что это обычное бабское любопытство? – спросила я, садясь на кровать.

– Бабское любопытство? У тебя? – усмехнулся Кирилл, садясь рядом. – Ну, Варька, ты лучше другое что придумай.

– А почему, собственно?

– Так, все, прекрати, – вдруг совершенно другим тоном попросил Мельников и сжал мой локоть. – Что ты хотела найти там? Спроси – я покажу сам.

Я попыталась освободиться, но не тут-то было – крепкие пальцы сжимали руку и вроде как боли не причиняли, однако малейшее движение доставляло дискомфорт.

– Кира, мне ничего не нужно. Даже не знаю, как это вышло.

– Я же попросил – не ври мне. Что ты искала в кейсе?

– Хорошо, – сдалась я, понимая, что говорить что-нибудь все равно придется, – я хотела увидеть название фирмы, в которой ты работаешь.

– Это все? – недоверчиво прищурился Кирилл, и я подтвердила:

– Это – все.

Он отпустил меня и вышел в коридор, а через пару минут вернулся с какими-то листками:

– Вот, можешь посмотреть. Это договор подряда, там стоит название фирмы, реквизиты и моя фамилия как юриста.

Я отвела его руку с листками, но Мельников бросил их на кровать:

– Можешь взять на память, это копии.

Сказав это, он сбросил банный халат, в котором ходил все это время, и скользнул ужом под одеяло, отвернувшись от меня. Господи, да ведь он обиделся... На самом деле обиделся, не играет... Какая я идиотка. Я действительно сделала ему больно своими подозрениями, и, судя по всему, он вообще ни при чем – ну не верю я в такие актерские способности.

Я еще немного посидела на кровати, обхватив руками голову и прислушиваясь к размеренному дыханию Кирилла. Мне хотелось извиниться, но слова, как нарочно, будто прилипли где-то глубоко внутри и никак не желали выходить наружу. Говорить «прости» мне всегда было тяжело, с самого детства. Так и не сумев извиниться, я легла под одеяло и постаралась как можно плотнее прижаться к Кириллу, обняла его и уткнулась лбом между лопаток.

– Наверное, я это заслужил, – произнес он, и я вздрогнула:

– Ты не спишь...

– А как я могу уснуть – после всего? – Кирилл развернулся и обнял меня, упираясь подбородком в мою макушку. – Я думаю, что действительно заслужил все это – недоверие, подозрения, проверки. На твоём месте, скорее всего, я вел бы себя так же.

– Кира, я...

– Не надо, Варя. Все правильно. Только ты поверь – я ничего не скрываю и могу подтвердить каждое сказанное тебе слово, если это будет нужно. Просто... это не отношения уже, когда не доверяешь и готовишь алиби.

Я села и обхватила руками колени. Самым правильным сейчас казалось встать, одеться и уйти, чтобы больше не возвращаться, потому что невыносимо стыдно, но внутри все сопротивлялось. У меня есть только один выход – научиться доверять ему и не искать подвох в словах, но как? Слишком много совпадений, говорящих не в пользу Кирилла.

– Обдумываешь план побега? – Он развернулся и коснулся рукой моей спины. И вот эта его манера чувствовать меня, мое настроение...

Разве можно бросить человека, обладающего таким ценным качеством? В сущности, я такая же, как большинство женщин, – мне нужен мужчина сильнее меня. Просто при моем характере это практически невозможно. Практически – потому что есть Мельников, властный, умный и гораздо сильнее меня во всех смыслах. И я с удовольствием подчиняюсь ему, отступаю, признаю свою слабость. Тогда почему у нас все так сложно?

Я повернулась к нему лицом и серьезно ответила:

– Да, обдумываю. Но чем больше думаю, тем отчетливее понимаю – некуда бежать.

Мельников легко улыбнулся, потянул меня за руку и прижал к себе:

– Так не беги. Я же предлагаю – оставайся. Разберемся с твоим браком – что мы, не юристы, что ли?

– Ты не понимаешь, что дело не в браке?

– А в чем? Объясни, чтобы я понял.

Если бы я могла объяснить это в первую очередь себе, то уж до него-то донесла бы такую вещь запросто, но увы – я и сама плохо понимала, что удерживает меня рядом со Светиком сейчас, в сложившихся в нашей семье обстоятельствах. Однако слово «развод» не звучало в моей голове даже теперь.

– Давай оставим эту тему, – попросила я, прижимаясь к нему всем телом.

Мельников вздохнул:

– Ты так и не разучилась переводить неприятный разговор на другую тему.

– На то я и юрист.

– Глупая баба ты, а не юрист, – со вздохом произнес Кирилл, обнимая меня. – Зачем все портишь? В кои-то веки осталась на ночь и ухитрилась тут же романтику убить. Ладно, не хочешь сейчас об этом, не будем. Но пойми меня тоже – я не люблю подвешенное состояние, хочу определенности. А теперь давай спать.

Утром, когда мы завтракали, Кириллу кто-то позвонил, и он, изменившись в лице, вышел в соседнюю комнату. Мне стоило больших трудов не прислушиваться к разговору, так как я дала себе слово доверять человеку, с которым сплю. Я размешивала сахар в кофе с такой сосредоточенностью, что еще немного – и провертела бы в чашке дыру. Но тут зазвонил мой мобильный – это оказался Светик.

– Варя, ты где?

– А что, ты заметил отсутствие? – зло спросила я, и муж опешил:

– Ты серьезно?

– Нет, я пошутила! Что ты хочешь?

– Хотел узнать, где ты. У Аннушки?

Святой, незамутненный человек! Боясь услышать правду, сам дает мне вариант ответа, который его устроит, и – готова об заклад биться – даже проверять не станет. Ну, вот как можно от такого уйти?

– Я буду дома через час, – сдалась я.

– Тамара Борисовна просила ее в Загорянку отвезти, я звоню, чтобы предупредить. Постараюсь не задерживаться, туда и обратно.

– Хорошо. Передай ей привет.

Бросив телефон на стол, я подперла щеки кулаками и задумалась. Что держит людей вместе? Через столько лет, когда ни о какой любви уже нет речи, когда даже страсть – если она была – уже остыла? Когда, казалось бы, уже нет ничего совместного – ни детей, ни интересов? Светик всегда устраивал меня как друг – надежный, верный, с которым интересно. Но как муж и мужчина он и прежде был не на высоте. Тогда почему?

– Соскучилась? – подкраившийся сзади Мельников запустил руки за воротник моего халата и заскользил вниз, к талии.

– Мне пора домой. – Я освободилась и встала, заметив тень недовольства, промелькнувшую по его лицу.

– Что так?

– Дела, – неопределенно сказала я, ставя чашку в раковину.

– Я отвезу.

– Не нужно, лучше вызови такси.

Кирилл пожал плечами и защелкал кнопками телефона, отыскивая номер.

Уже полностью одетая, я зашла в спальню, чтобы забрать с тумбочки серьги и кольцо, которые снимала на ночь, и взгляд мой упал на небрежно брошенные на комод копии договора подряда. Не совсем понимая, зачем делаю это, я взяла их, свернула и сунула в карман.

Глава 5

Время забыться, время любить...

Когда кошка хочет поймать мышку, она притворяется мышкой...
В. Ключевский

Светика дома уже не оказалось, и я почему-то обрадовалась этому. Не хотелось никаких разговоров – да и о чем говорить? Послonyaвшись без дела по квартире, я вспомнила о договоре, вынула листки из кармана и ушла в кабинет, где, нацепив очки, внимательно изучила каждую букву. Ничего подозрительного не нашла, но внутри шевельнулось какое-то неприятное чувство. Включив компьютер, я полезла в реестр строительных фирм и с удивлением обнаружила, что название компании-подрядчика там есть, а вот заказчика – нет. То есть с конторой Мельникова все было в порядке – во всяком случае, она существовала, а вот той, что заказала им работы, не было даже близко. Интересно, а Кирилл вообще в курсе? Или это какая-то неведомая мне схема? Вполне может быть, кстати. Очень захотелось позвонить ему и сказать о своей находке, но я одернула себя – опять получится, что я проверяю его и – что еще хуже – лезу в деловые вопросы. Но внутри скреблось – а что, если Мельников не в курсе, а потому попадет в какую-то финансовую передрыгу? Хотя... Что угрожает компании-подрядчику? Если только... Если только через контору Кирилла не идет банальный «отмыв». Эта мысль понравилась мне еще меньше. По складу характера раньше Мельников к авантюрам склонен не был, но кто знает, что могло измениться за эти годы? И вот, кстати...

Я мысленно почему-то вернулась в тот день, когда он снова возник в моей жизни. Что он тогда заявил мне? Да, точно... «Ты переманила у меня клиента». А какого клиента я могла переманить у юриста строительной фирмы?

Открытие меня взволновало еще сильнее – выходит, он все-таки врал мне. Но в какой момент? Тогда или сейчас? Чем он на самом деле занимается? Арбитражем или юридическими делами этой своей конторы? Это же разные вещи... Как теперь выяснить это? Спрашивать напрямую бесполезно – всякий раз у меня возникало ощущение, что я держу в пальцах угря, и он в решающий момент выскальзывает и уплывает восвояси. Значит, нужно искать другие способы проверки.

Что за времена – никому нельзя верить...

Я как-то незаметно для себя положила голову на скрещенные на столешнице руки и задремала, даже не сняв очков. Проснулась от неудобной позы и неприятного ощущения возле правого глаза. Распрямив спину, я сняла очки и потерла онемевшую переносицу. Бросив взгляд на зеркальную стенку шкафа, я с ужасом обнаружила, что под правым глазом налился довольно приличный синяк – следствие впившегося носового упора очков. Ну, и как теперь с таким лицом в люди?

Я направилась в кухню, взяла там несколько кубиков льда и, завернув в салфетку, приложила к синяку, понимая, что вряд ли что-то исправлю при помощи этого средства. У меня заседание в понедельник, как вообще я теперь там появлюсь? Хорош адвокат! Представляю удивленное лицо клиента...

В замке входной двери заворочался ключ – вернулся Светик. Я как-то забыла продумать линию поведения, не успела выбрать тактику – строить из себя обиженную или сразу напасть с обвинениями, но потом подумала: а вот пусть это Светика заботит, а я посмотрю-послушаю. В конце концов, это он раздул ссору на пустом месте, вот пусть и думает, как мириться. Я убрала намокшую от растаявшего льда салфетку, еще раз осмотрела синяк и вздохнула – разумеется, меньше он не стал.

Муж появился на пороге кабинета с виноватой улыбкой на лице и букетом лилий:

– Я тебе не помешал? Готовишься к процессу?

– Не помешал, не готовлюсь, – я смотрела на него в упор и ждала, когда же он заметит синяк и хоть что-то скажет по этому поводу, но тщетно – Светик положил букет поверх бумаг на столе, чмокнул меня в щеку:

– Тогда я сейчас ужин приготовлю, только отдохну минут тридцать.

Мне захотелось смести со стола этот злосчастный букет, растоптать его, а заодно врезать мужу хорошую пощечину, но я сдержалась. Почему в последнее время он вызывает во мне только такие эмоции? Почему меня раздражает все, что он говорит и делает? Наверное, я перешла тот рубеж, на котором заканчивается лимит терпения. Я больше не могу выносить его присутствия... Но и ссориться постоянно тоже нет сил, нельзя ведь существовать в атмосфере напряженности и недовольства, это и работе мешает, и вообще – жизнь укорачивает, как Аннушка сказала бы. Придется снова сцепить зубы и молчать. Больше молчать.

Так, в гробовом молчании, прошел вечер. После ужина я читала, устроившись в кабинете на диване под пледом. Светик принес мне туда чай с шиповником, но попыток заговорить больше не сделал – букет, так и не поставленный в вазу, красноречиво донес до него мысль о невозможности примирения. Цветы Светик поставил в воду сам, но не принес снова в кабинет, а оставил на кухонном столе.

Утро понедельника выдалось хмурым и дождливым. Я долго искала зонт, чтобы не промокнуть, пока дойду до машины, но так и не нашла, зато обнаружила на антресолях в коридоре сверток в подарочной упаковке. Для семейных торжеств было рановато, никаких дней рождения не предвиделось, а на оберточной бумаге плясали веселые буковки «С днем рождения». Это могло означать только одно – Макар. Настроение испортилось. Любое напоминание об измене Светика причиняло мне если не боль, то дискомфорт точно. Очень не вовремя...

Я решила, что уеду в «Снежинку» прямо на этой неделе, так будет лучше. Захочет Светик – пусть едет со мной, а нет... Позову Аннушку. Только сперва придется заручиться согласием подруги, а заодно и помириться с ней.

Но вышло так, что до вечера среды я оказалась занята настолько, что даже на телефонный звонок времени не находилось. Видимо, подсознательно я старалась загрузить себя работой максимально, чтобы не оставалось ни секунды свободной. Возвращаясь домой, я что-то съела – или не съела – и тут же легла в постель, укрывалась с головой одеялом и засыпала почти мгновенно. Это помогало мне избежать любых разговоров со Светиком.

В среду вечером я вспомнила о том, что хотела переезжать завтра, а потому после работы поехала к Вяземской.

Аннушка встретила меня приветливо и с выражением какой-то щенячьей радости в глазах – видимо, была уверена, что после того злополучного телефонного разговора я вряд ли приеду к ней первая. Но я действительно не могла долго обижаться – мы вместе выросли, и человека ближе ее у меня не было, как, впрочем, и у нее тоже. В квартире Аннушки всегда пахло свежеевыглаженным бельем – ее домработница была помешана на этом и каждую тряпочку в доме проглаживала с двух сторон. Этот запах почему-то всегда возвращал меня в детство, моя бабушка тоже была ненормальной чистюлей и педантично следила за всем текстилем в доме. Скинув туфли и повесив плащ на вешалку, я прошла в комнату, и первым, что увидела,

оказались пальцы с натянутой на них канвой и мотки разноцветных ниток, горкой возвышавшиеся на журнальном столике.

– Что это? – с удивлением спросила я, разглядывая диковинный предмет, на что Аннушка невозмутимо ответила, усаживаясь в мягкое кресло:

– Вышиваю лошадь. Прочитала в каком-то журнале, что если вышить лошадь, то непременно выйдешь замуж.

– Извини, но я ржу, как эта самая вышитая лошадь, – это же бред, Аннушка, – я уселась напротив и взяла вышивку в руки – на канве действительно уже отчетливо угадывался силуэт серой лошади с роскошной развевающейся гривой.

– Зря смеешься, – отозвалась Вяземская, забирая у меня пальцы, – знающие люди говорят, что это правда работает.

– Ага – одна девочка пятьдесят лет не могла выйти замуж, а потом вышила лошадь Пржевальского, и моментально в ее двери постучался принц на точно такой же, да?

– Ой, перестань! Твой скептицизм просто невыносим, – поморщилась Анна, убирая работу в большую плетеную корзинку.

Мне было смешно слышать подобные вещи от Аннушки – от человека, который, к примеру, понятия не имел, кто такая Матрона Московская, зато однажды затащил меня к ее мощам. То еще было приключение...

Мы стояли в длиннющей очереди страждущих, Анька курила, вызывая неодобрительные взгляды истинно верующих, и вдруг спросила своим звонким голосом:

– Варь, я вот не знаю, а что надо говорить?

– Где говорить? – не поняла я.

– Ну, вот мы сейчас войдем к этой женщине, она же спросит, зачем мы пришли, так что я ей должна сказать-то?

Я потеряла дар речи, а вокруг нас мгновенно образовалась пустота – верующие расступились, как воды моря перед Моисеем, как будто не желая даже дышать одним воздухом с нами. Я, если честно, решила, что сейчас нас начнут просто бить...

– Дура! – прошипела я, хватая ее за руку. – Нет там никакой женщины, там мощи, понимаешь? И говорить ничего не надо – просто попроси про себя то, чего хочешь! Могла бы хоть узнать, куда прешься!

– А-а! – разочарованно протянула Аннушка, совершенно не смутившись. – Ну, ладно...

И вот теперь она же, начитавшись какой-то ерунды в глянцевого журнальчике, мается над пальцами, вышивая какую-то там лошадь, чтобы выйти замуж... Ну, скажите – реально обижаться на такого незамутненного человека?

Меня всегда удивляло, как Аннушка, воспитанная в интеллигентной и образованной семье, ухитряется выдавать иной раз такое, от чего я теряла возможность соображать и не знала, что сказать. Однажды в опере, куда она же меня затащила, после просмотра «Травиаты» Аннушка вдруг спросила:

– А автор на поклон не выйдет?

– Кто? – Я сперва решила, что она шутит, но, взглянув на подругу, поняла, что она спрашивает совершенно серьезно.

– Ну, вот в театре всегда автор на поклон выходит, а здесь не так, что ли?

– Тебя не смущает, что Верди умер примерно лет двести назад?

– Да? – захлопала густо накрашенными ресницами Аннушка. – Ну, я не знала... Это у тебя муж дирижер.

На самом деле она не была душой, просто не придавала значения каким-то мелочам, не способным приблизить ее к осуществлению главной мечты – замужеству. Я давно привыкла к этому, но и меня она порой ухитрялась удивить, что же говорить об окружающих. Светик,

например, называл ее домашней кошкой, от которой нет вреда и даже шерсти на диване нет, причем говорил это ей в глаза, и Аннушка не обижалась, только тянула капризным тоном:

– Ну, Све-е-етик!

Однако даже такие вот казусы не мешали нам общаться, хотя иногда я приходила в тихое бешенство от ее незамутненности.

– Как дела? – поинтересовалась она, словно мы не виделись не неделю, а примерно полгода.

– Нормально. Суд вот выиграла пару дней назад, а так все по-старому.

– А я ведь с доктором встретилась все-таки, – сообщила она, вставая. – Чайку? Или покрепче чего?

– Если кофе сварить, будет отлично. Я что-то умоталась сегодня, клиент капризный попался, – призналась я. – Да и вообще неделька та еще выдалась.

– Тогда идем на кухню, там посидим, у меня паэлья есть, сегодня Люда готовила, а я еще не притронулась.

Паэлья была кстати – я почувствовала, что проголодалась. Мы переместились на кухню, довольно маленькую, но очень уютную, обставленную белой мебелью «под старину». Я забралась с ногами на мягкий «уголок», Аннушка стала хлопотать у плиты, подогревая паэлью на большой сковороде и одновременно насыпая в джезvu кофе.

– Ты чего приехала-то? Светик дома?

– Нет, он в театре. Гастроли через неделю, в Болгарию едут. Я к тебе с предложением, но теперь, в свете объявившегося доктора, думаю, что ты не согласишься.

– Смотря что предложишь. – Передо мной оказалась чашка с дымящимся кофе, ложка и крахмальная салфетка, обшитая кружевом.

– Мне тут от клиентки перепал неожиданно пустой дом в «Снежинке», хотела тебя позвать там пожить месяц-другой.

– А работа?

– Ну, у меня же водитель есть. Будем тебя подбрасывать, а вечером забирать.

– Я согласна, – моментально согласилась она, усаживаясь за стол.

– А доктор?

– А что доктор? Он женат, кстати. Не хочу возиться.

– Женат? Надо же... Я думала, такие стерильные не женятся, – заметила я, пробуя паэлью, которая оказалась просто неземного вкуса.

– Ой, перестань. Все женятся. Мы с ним пару раз в ресторане посидели, но я поняла, что на роль любовницы как-то не согласна.

– Странно, – заметила я осторожно, – раньше тебя это не очень смущало.

– Так то – раньше. Я замуж хочу, понимаешь? А это все так... развод, алименты, дети – ну, на фиг?

– Тогда все отлично. Там поселок элитный, иностранцы косяком, думаю, что и соотечественники найдутся. Так поедем?

– Я же сказала – поедем. Может, обстановку сменю, встряхнусь. На работе дурдом какой-то, начальник, как с дерева упал, гоняет меня... И отпуск не возьмешь, хочу все-таки летом в Европу рвануть.

Это меня устраивало. С Аннушкой не будет скучно, а Светик все равно после Болгарии поедет в Голландию и Швецию, так что его не будет около месяца. А за месяц я надеялась хоть немного приблизиться к разгадке дел, творившихся вокруг моей клиентки и «Снежинки». Кто знает, может, и Аннушка пригодится...

Мы отлично поужинали, попили кофе, договорились, что завтра вечером я с водителем подъеду к ней, чтобы забрать с вещами, и я засобиравшись домой.

Уже на пороге Аннушка вдруг порывисто обняла меня и пробормотала:

– Варька, ты меня прости за тот разговор, ладно? Я иногда сама не понимаю, что несу, потом стыдно...

– Ну, я же просила – не извиняйся. Я не обижаюсь, я же тебя люблю, ты мне как сестра, – я поцеловала ее в щеку и вышла из квартиры с чувством выполненного долга – возможно, эта поездка поможет внести хоть какую-то ясность в то, что творится в проклятой «Снежинке».

Глава 6

Слезы Снежной королевы

Одна снежинка может согнуть лист бамбука...
Аноним

Идея уехать в «Снежинку» без Светика посетила меня внезапно и очень вовремя. После ссоры на набережной мы всю неделю не разговаривали, хотя Светик готовил завтраки и ужины, если успевал, даже дважды встретил меня у офиса, чем несказанно удивил. Но потом я догадалась – он просто проверял, не делает ли этого кто-то еще. Я сменила гнев на милость после визита к Аннушке, не желая все-таки уезжать, оставаясь в ссоре, тем более что Светик сам начал разговор о моем переезде в «Снежинку»:

– Варенька, а может, тебе стоит уехать сразу с Аннушкой?

– А ты? – удивилась я, так как буквально сегодня сама решила именно так и договорилась с подругой.

– А что я? У меня предгастрольная подготовка, я возвращаюсь поздно, какой смысл держать водителя в городе до ночи? А тебе нужен свежий воздух. А после гастролей, если ты все еще будешь жить там, я могу переехать к тебе.

Это показалось мне странным, и я без обиняков заявила:

– Если ты хочешь в мое отсутствие перевезти сюда Макара, а потом поставить меня перед фактом, то сразу говорю – этого не будет.

– Варя, ну зачем ты? – обиделся Светик. – Мне казалось, что мы обсудили этот вопрос. Ты не хочешь видеть его тут, так почему я должен за твоей спиной предпринимать какие-то шаги? Неужели ты считаешь меня таким подлецом?

– Конечно, нет. Прости. Просто ты так неожиданно это предложил...

– Я хочу, чтобы тебе было хорошо.

– А ты справишься тут без меня?

Он засмеялся и потрепал меня по волосам:

– Ты как маленькая. Конечно, справлюсь. А у тебя в последнее время совсем нездоровый вид, тебе воздух нужен.

И я согласилась. И вот теперь, заручившись поддержкой Аннушки, вполне можно переезжать, благо, у меня есть согласие Анастасии.

Был еще момент – Мельников. С тех пор, как наши отношения возобновились, он хотел хотя бы пару раз в неделю видеть меня, а я вовсе не собиралась посвящать его в свои планы. Но это я тоже решу – в конце концов, кроме машины с водителем, есть еще «Смарт», на котором я смогу сама добраться до «Снежинки», она не так уж далеко находится.

Остаток вечера я посвятила сборам чемодана, положив туда все, что может пригодиться на первое время, упаковала рабочий ноутбук – завтра утром все это загрузу в машину к Володе, а вечером после работы мы заберем Вяземскую и поедем в поселок.

Светик в эту ночь был как-то особенно нежен, перед этим приготовил ужин, мы посидели за бутылкой вина и неспешным разговором и переместились в спальню. Я чувствовала,

что должна продемонстрировать хоть какие-то чувства к мужу, хотя, признаться, в последнее время мне это давалось нелегко. Но и расставаться на длительный срок в ссоре тоже не хотелось. Когда Светик уснул, я, мучаясь от неожиданно навалившейся бессонницы, перебралась в кабинет, устроилась там на диване и включила диск с фильмом Феллини. Налив себе еще бокал вина и закулив сигарету, я наблюдала за Джульеттой Мазиной и совершенно не понимала сюжета. Мыслями я была уже далеко, за МКАДом, в «Снежинке». А что, если я действительно найду там что-то такое, что поставит под угрозу и меня, и Аннушку? Разве у меня есть право рисковать жизнью подруги? Ведь все, что связано с этим поселком, непременно таит в себе какие-то неприятности. Надо, кстати, позвонить Юрию Потемкину и поинтересоваться, что происходит у него. После смерти его старшего брата Александра мне казалось, что следующей мишенью станет он, Юрий, потому что достать Настю и ее дочь ни у кого не получится. Юрий болен, ему нужны врачи и лекарства, но он упорно отказывался принимать от меня помощь, и даже Насте не удалось убедить его эту помощь принять. Кроме того, Юрий – игрок, и кто знает, не успел ли он наделать долгов, которые ему нечем будет отдавать? А это – та ахиллесова пята, на которую могут надавить люди, заинтересованные в покупке акций «Снежинки». Ведь Алик перед смертью подписал документы о продаже своей доли, но денег на его счету мы так и не нашли. И кто может поручиться, что припертый кредиторами к стенке Юрий не сделает того же? Хотя он казался человеком разумным и понимал, что последует за этим. Но кто знает, как повернутся обстоятельства?

Телефон, переведенный в беззвучный режим, заморгал – кто-то звонил. Я взяла в руки трубку и увидела, что это Мельников.

- Алло.
- Ты не спишь?
- Откуда ты знаешь?
- Я ехал мимо, увидел свет в кабинете, подумал, что это ты.
- Да, не могу уснуть, – призналась я.
- Не хочешь прокатиться? Я припарковался недалеко.
- Нет, спасибо. Леню одеваться. А ты чего это колесишь так поздно?
- Засиделся в ресторане, возвращаюсь домой. Как твои дела?
- Все хорошо.

Повисла пауза. Я поймала себя на том, что опять ему не верю – ну что за наказание? Ведь он действительно мог просто ехать мимо, что в этом такого?

– Варь... я соскучился. – Я никогда не могла равнодушно слышать его хрипловатые нотки, когда он говорил такие вещи, даже внутри все зануло.

- Кира, я действительно не могу сейчас... – неужели я извиняюсь? Ужас какой...
- Ну, как знаешь. Завтра увидимся?
- К сожалению, не могу, дела, – уклонилась я.
- Тогда – в субботу?
- Посмотрим.
- Тогда сама позвони, хорошо?
- Хорошо.
- Целую тебя...
- И я...

Я положила трубку и заплакала. Почему я никак не могу решиться на что-то? Я, которая в делах бескомпромиссна, я, принимающая решения мгновенно, – и вдруг столько лет не могу определиться и расставить точки в отношениях с мужем и с человеком, причинившим мне в прошлом столько горя. Ведь это именно Кирилл заставил меня пройти через ад подпольного аборта, именно из-за него я едва не отправилась на тот свет. Он исчез на долгие годы, совершенно не интересовался тем, что произошло со мной, а потом возник, как ни в чем не бывало,

и возобновил наши отношения так, словно вообще ничего не произошло и не было этих мучительных лет. Я не верю ему и все равно никак не могу порвать с ним. Что со мной? Ведь я не одинока, вокруг меня постоянно люди, у меня есть муж – а я цепляюсь за эту связь, как за последнюю возможность. Это странно, необъяснимо, непонятно. Но без Кирилла мне куда хуже, чем рядом с ним. И сейчас, если бы не спящий в спальне Светик, я с удовольствием бы оделась и ушла из дома, поехала бы с Мельниковым куда угодно. Почему так?

Фильм закончился, телевизор рябил и издавал негромкое шипение, но я не замечала этого. Не было сил даже нажать кнопку пульта, встать и пойти в постель. Да и не хотелось делать этого. Завтра предстоит довольно нелегкий день, и надо бы выспаться, а я все сижу перед экраном, как будто это может что-то изменить. Если бы так же легко, как запустить диск с фильмом по новой, можно было начать сначала всю жизнь... Не знаю, что тогда изменилось бы, но, уверена, я вела бы себя иначе. Хотя бы в отношениях с Мельниковым. Но, если разобраться, что я тогда сделала неправильно? И что могла сделать по-другому? Оставить ребенка, который никому не был нужен? Стать матерью-одиночкой, наплевать на карьеру и будущее? Кому бы от этого было лучше? Мне? Ребенку? Нет. Тогда о чем я жалею? Если бы Кирилл хотел жениться тогда, он бы сделал это. Но он предпочел раствориться и забыть обо мне. Зачем я снова возвращаюсь туда, в прошлое? Ничего уже не изменится...

Опять засветился экран мобильного, и я взяла трубку в руки – на дисплее значилось «Анатолий-театрал», это был Туз. Среди ночи? Что могло заставить его звонить в такое время?

– Алло.

– Варвара, ты не спишь? Извини за поздний звонок, дело важное.

– Нет-нет, я не сплю, говорите.

– Скажи, ты давно разговаривала с младшим Потемкиным?

Я едва не подпрыгнула на диване – буквально только что я думала о Юрии, и тут такой вопрос.

– Давно. Что-то случилось?

– Я сейчас сижу в одном ресторане, здесь есть подпольный покер-клуб. И только что туда вошел Потемкин. Но это не главное. Рядом с рестораном стоит припаркованная машина, номера я хорошо знаю. И мне кажется, что это по его головушку приехали.

Я испугалась – вот оно, то, чего я ждала.

– Анатолий Иванович, миленький, а можно как-то предотвратить эту встречу? – взмолилась я, чувствуя, что все тело охватила слабость.

– Да это-то можно, я не один здесь. Вопрос в другом – что потом с ним делать? Если его пасут, то будут продолжать делать это, а мне не очень хочется демонстрировать заинтересованность. Это может повредить тебе в первую очередь, – произнес Туз.

– Я не думаю... мне важно, чтобы с Юрием ничего не случилось. Если он в долгах, то его могут вынудить подписать бумаги, и тогда все совсем осложнится.

– Хорошо, я постараюсь сделать так, чтобы из клуба он исчез незаметно. Но, Варя, ты сама будь осторожна.

– Я завтра переезжаю в «Снежинку», – призналась я.

– С ума сошла? – взревел Туз, откинув политесы. – Зачем тебе это надо? Ты знаешь, что там живет один из тех, кто заинтересован в ее приобретении?

– Нет. Откуда мне это знать?

– Теперь знаешь. Мой тебе совет – не лезь туда, не светись.

– Иначе я не смогу понять, что именно происходит. А так у меня будет возможность посмотреть на ситуацию изнутри.

– Изнутри?! Совсем сдурела? Да тебя там задавят ночью в пустом доме, как паршивого котенка, и в пруду утопят – концов твой дирижер не отыщет!

– Так помогите мне, – невозмутимо проговорила я, стараясь не показать, что его слова вызвали у меня приступ паники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.